

Екатерина Романова

ИСКРА

ТАЙНА КРОВИ

18+

Искра

Екатерина Романова
Искра. Тайна крови

«Екатерина Романова»

2021

Романова Е.

Искра. Тайна крови / Е. Романова — «Екатерина Романова»,
2021 — (Искра)

Он летает по выделенной трассе, я – езжу в подземке. Он питается в элитных ресторанах под куполом, я прислуживаю в пивной на земле. Он правит дистриктом из главной башни, я – выношу утки за лежащими больными. Миры пустышек и великородных не пересекаются, но случайная встреча на Лыдистом утесе навсегда меняет наши жизни. Я – Александрин Флер Аллевоиская! Мне предстоит узнать тайну своей крови и сделать нелегкий выбор между сердцем и разумом.

© Романова Е., 2021

© Екатерина Романова, 2021

Содержание

Словарик	6
***	7
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Екатерина Романова

Искра. Тайна крови

Первый том дилогии

Искра: тайна крови

© Екатерина Романова, 2018

© Оформление. Екатерина Романова, 2018

Файл для сайта ЛитРес

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Подобные действия на территориях стран подписавших международные конвенции по авторскому праву влекут административную и уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством этих стран.

© Искра: тайна крови, текст, обложка, оформление

Словарик

Аклуа Плейз – центральное правительственное здание, на последнем этаже которого восседают Хартманы

Арт Палас – высотка с культурными объектами дистрикта

Анник – денежная единица девятого дистрикта

Бодан – существо, похожее на барана

Волар – летательный аппарат, который управляется телепатической силой водителя

Гарцан – самый крепкий металл мира

Дохлогрызка – крыса-падальщик

Мохноух – зверек, мутировавший потомок тушканчика с мохнатыми ушами и длинным хвостом с кисточкой на конце

Рысокоть – мутировавший потомок рыси

Сцакха – бранное слово

Тор-ан – повелитель красного и желтого драконов

Трен – вагон, поезд, метро

ТМС – телепатические мгновенные сообщения

Навэ – маленькое судно для плавания по воде

Сиреневый – первый уровень опасности. Всего уровней десять и десятый, в принципе, означает, что можно никуда уже не бежать.

Земля, 3999 год

Девятый округ, территория современного Волгограда

– Пошла вон!

Не такие слова мечтает услышать девушка после самого поганого дня в жизни. И, если в любой другой день я бы махнула рукой и развернулась, то сегодня с надменной физиономией, крепче обняв бутылку сырыми от слез ладонями, подошла к краю обрыва и села прямо рядом с раздатчиком «пошла-вонов». И плевать, что он великородный! Это мой обрыв, мое заплаканное место и в такой день я не собираюсь от него отказываться.

Брат с сестрой не должны видеть мое отчаяние, поэтому дома я не плачу. Там я гарцанная и неунывающая Ландрин, у которой все под контролем, а здесь – размазня Ланни, которая может утирать соплю рукавом и выть на Венеру голодным аркхом.

Но вот сегодня как-то не вышло. Сегодня на моем размазня-уступе восседало Ползучее Великородие: спина прямая, словно палку проглотил, широкая, как платяной шкаф, и, судя по обтягивающей рубашке, крепкая, как гарцан. Великородного выдавали откиннутые за спину кудрявые волосы, отливающие закатным солнцем. Только великородным дозволяется отпустить прически до плеч. Простым искристым – короткие стрижки, а пустышкам, вроде меня, полагается бриться налысо, словно мы настолько ничтожны, что даже наши волосы не имеют права расти на голове. Вот в других местах – пожалуйста. Там, где не видно. Разумеется, женщин такое сомнительное счастье обошло стороной, но все равно неприятно. Всякий житель девятого округа должен знать свое место и с этим, в отличие, например, от первого или пятого округа, у нас все строго. Классовое общество.

Смотрела на это Ползучее Великородие и уже ненавидела. У него есть все по факту рождения, а я по этому же факту получила ничего и море проблем.

– Я сказал, вон пошла, – повторил мужчина, не напрягая голоса, но внутри что-то бухнуло и свалилось в область пятой точки. Поскольку я сидела, ниже свалиться было попросту некуда. Сердце, похоже, обмерло со страху и отключилось. Точно великородный.

– Ага. Бегу, теряя панталоны.

Потому что больше мне терять нечего.

Чпок. Открылась бутылка. Когда хватала ее со стола, даже не посмотрела, что беру. «Леройский бриз».

– У-у, аркх плешивый! Перцу тебе в трусы и чтоб лимит холодной воды исчерпался!

Сделала глоток дорожущего вина и поморщилась. Не таким я представляла себе вкус десяти тысяч анников за бутылку: спирт с привкусом винограда. Почувствовала на себе изумленный взгляд Ползучего Великородия и повернулась.

– Все еще тут? – удивилась я. – Пор-разительная выдержка!

– Столкну.

По идее, от такого голоса положено подпрыгнуть и, теряя шлепанцы, унести прочь, сверкая черными пяткам, но я все же сидела.

Подняла голову и ахнула, разглядывая сиреневый кругляш Венеры. Должно быть, так в далеком прошлом выглядели описываемые в книгах головки сыра с плесенью! Плесени и у нас навалом, в отличие от сыра. Этот деликатес только великородным и доступен. Возненавидела сидевшего рядом с тройной силой. Наверняка пробовал.

– Сталкивай, – опомнившись, я махнула бутылкой в сторону Великородия и сделала еще один глоток.

Совсем забыла, что рядом помесь аркха с платяным шкафом. Глянула в лицо мебелированному незнакомцу и расхохоталась. А хор-рошее вино, оказывается! Крепкое такое!

Когда три гуляющих отображения Ползучего собрались воедино, я запечатлела в памяти выражение его лица. Им можно прихлопнуть нехилого такого аркха. Точнее, завидев такое выражение лица аркх должен повалиться на спину и жалобно задрывать лапками, притворяясь мертвым. По идее и я тоже, но вот конкретно в этот раз не падало и не дрыгалось.

– Парень бросил? – окинув меня презрительным взглядом, выдавило Великородие.

Подарила ответный, не менее снисходительный, хотя стоило отдать должное, в отличие от меня мерзавец выглядел бесподобно. Белая рубашка с подогнутыми рукавами демонстрировала в треугольнике распахнутого ворота гарцанные мышцы, сложенными на груди руками можно аркхов душить, прям вот так, не напрягаясь! Вообще, раньше я фанатом мужских ног не была и, вспоминая ноги Таххира, могла только фыркнуть, особенно от запаха носков, что он снимал, и каждый вечер ставил в углу, стоячком, но конкретно этот экземпляр своими ходулями впечатлил. Я долго рассматривала гладкую холеную кожу на подтянутых мускулистых икрах, а потом перевела взгляд выше. Намного выше. На пепельно-сизые радужки в миндалевидном разрезе и выдавила неженственное:

– Ха!

Которое запила огромным глотком вина.

– Хор-рошее вино! – еще раз подтвердила, стараясь не думать, как в этот момент выгляжу. Хвостик, судя по кидающимся в лицо белым волосам, тоскливо сбился набекрень, лицо красное и опухшее от слез, губы искусаны, под глазами наверняка мешки, грустные такие и безысходностью отливающие, а про заляпанное грязью и порванное платье и вовсе молчу.

Великородие выдернуло из моих рук бутылку и, глянув на этикетку, хмыкнуло:

– Посредственное.

– Фи, – отобрала обратно и сделала еще один глоток. – Это для тебя, Ползучего Великородия посредственное. А для меня – пустышки, хор-рошее! Тем хорошее, что этому аркху плешивому не достанется с его пышногрудой дохлогрызкой!

– Тебя бросили, – мне снова подарили тоскливый взгляд, об который, видимо, предлагалось убиться, чтоб не мучить великогадский слух.

– Бросили? – усмехнулась. – Пф. Бросить можно мусор, а я – сама ушла. С гордо поднятой головой!

– Гордо поднятая голова выглядит иначе, – жестко осадил незнакомый самец дохлогрызки.

У дохлогрызок самцы вообще не в почете. Когда самка дохлогрызки обзаводится потомством, первое, что она делает – съедает папашу детей. Отличная, стоит сказать, традиция! Маме, после рождения Альби, следовало поступить так же. Ну, как минимум, откусить отцу чего-нибудь очень важное, чем он привык размахивать направо и налево. Вот прямо как Таххир. Некстати вспомнились его танцы с писюном в нашу третью годовщину. Ох, некстати. Он повязал на него большой синий бант и решил, что в качестве подарка на годовщину сгодится. А я подарила ему живое деревце в горшке, как символ нашей растущей любви. Дура. Символ, к слову, зачах. Этот непарнокопытный решил, что стакан воды – слишком высокая плата за любовный символизм.

– Много ты знаешь! Тебе бы денек, как у меня, вот тогда бы поговорили!

– Давай, – холодно отчеканил он.

– Что давать?

– Рассказывай. Что привело тебя на Льдистый утес?

– Ха, – я усмехнулась и хотела сделать еще один глоток, но Ползучее Левикородие... ой. Векилоро... Эм. В общем, этот гад выхватил из моих рук бутылку и отправил ее в полет. – Эй! Десять тысяч анников!

– Пьяная женщина отвратительна, – его скривило, а потом он накрыл огромной ладонью мою голову и пустил сквозь тело ледяную волну.

Я слышала о способностях великородных, в зависимости от искры, кто во что горазд, но конкретно этот что-то с чем-то! Из меня словно душу вырвало, перетряхнуло, покрутило в центрифуге, выжало, пропустило на супер-быстром режиме сушки в вычистительной машинке и всунуло обратно.

– Ого! – я тряхнула вмиг протрезвевшей головой и уставилась на Ползучее Великородие, смотревшее на меня на градус теплее. Если до этого – как на пустое место, то теперь я поднялась в его глазах до грязи на ботинках. Чистых, к слову, ботинках. Он что, на Льдистый утес с неба спустился? Хотя, с такого станется и правила воздушного движения нарушить. Над Льдистым нет трассы.

– Ну, – жестко повторил он. – Говори.

Как-то не верилось, что ему и впрямь интересны подробности моего эпического попадания, но за неимением других слушателей, я откинулась на локти и, запрокинув голову, начала:

– Это был грандиозный день! Просто мега эпический, я бы сказала. А все началось с Харви чтоб ему Венероликому аркх чего важного откусил и это была не голова!

Венероликому не потому, что круглый и сиреневый, а потому, что в лицо его никто не знает. Ну, как. Догадываются, какая из многих внешностей его собственная, но он предпочитает менять их так часто, как приходится менять фильтры для воды в нашем районе. Хамелеоноликий он, а не Венероликий!

Незнакомец сдвинул брови, но смолчал. Вообще, странная компания. Но меня уже несло...

Я проспала. Не просто проспала, а с чувством, с толком, так сказать, от всей души! Так проспала, что помочь мне мог разве что переносчик, но в нашей семье ни у кого нет такой искры. Танар, мой брат, слышит вещи, а Альберта – сестра – носительница дара земли. Полезные, между прочим, навыки и только благодаря им – моим младшим – наша семья выживает. И лишь моя искра, хоть и горит, но никак не желает являться миру. Я как-то раз даже скопила денег и наведалась к определителю дара, но тот лишь пожал плечами и сказал, что никогда с таким не сталкивался. Дар вроде как есть, но его вроде как нет. То ли спит искорка, то ли слишком уж с характером – в моих венах, как сказал определитель, – течет славянская кровь. Считается, что нация вымерла более тысячелетия назад, и на меня мужчина смотрел как на карликовую корову. Да, в учебниках истории показывали картинки с такими коровами, которые размером чуть больше человека. Сейчас это кажется невероятным, но в давно забытые времена люди держали их дома, иногда даже несколько штук! Вот только на нашем двореке третьего этажа едва умещаются три курицы. От коровы там поместилось бы разве что копыто.

В общем, опаздывала я намертво. Фет Горский терпеть не может опаздунов, а мне эта работа нужна, чтобы оплачивать обучение ребят. Я планировала накопить денег и отдать их в университет, а также выкупить небольшое кафе возле дома – кафе, которым владела мама... Это казалось несбыточной, почти невероятной мечтой. Будь моя искра хоть на что-то годной, я бы устроилась на хорошее место и накопила бы в два счета, но сейчас я – чернь и меня берут только на низкооплачиваемую работу, несмотря на приличное образование. Диплом магистра помогает мыть полы, посуду, разносить еду и присматривать за детьми богатых родителей – искристых отпрысков (к великородным пустышек тоже не пускают).

Я смотрела на вывеску кафе-бара «Горький Горский», словно на новенькую пару туфелек. Вот она, через дорогу, всего десять шагов и я внутри, но нет! Далось Харви Венероликому, как его именуют в народе, именно сегодня и именно здесь проложить свой маршрут! И чего ему по небу не леталось?

Дорогу на несколько километров оцепили служба контроля и рейгверды. Мужчины в серых и черных костюмах с каменными лицами смотрели по сторонам и обеспечивали безопасность высшего руководства девятого дистрикта, что соизволило коснуться колесами своих воларов нашего асфальта. Вообще, он всегда перемещался воздушными коридорами, но нет, сегодня сошел с неба, чтобы мне наподлить.

Безопасники оттеснили возбужденную толпу, ожидавшую кортеж правителя. Что же делать? Искать обходной путь? Но его попросту не было! Оцеплено все! А Горский скажет, что раньше надо было думать. Хуже всего, когда верховный проедет, толпа ломанется в кафе, и мое присутствие будет необходимо как вода! Ну почему я такая никчемная? Собравшись с духом, подошла к одному мужику морда-лопата:

– Здравствуй, фет. Слушайте, у меня такая незавидная ситуация, – мужчина даже ухом не повел. Сдастся мне, упади перед ним аркх, он даже и не заметит, а тут у пустышки ситуация, видите ли. – Я работаю в кафе через дорогу. Смотрите, вывеска «Горький Горский», во-он она, тут прямо, – посмотрела на мигающую красными огоньками вывеску с изображением усатого мужика в шляпе и с кружкой пива. – Можно я быстренько перебегу дорогу? Одна нога тут, другая там, никто даже не заметит.

Тишина. Это означало да или нет? Решила рискнуть и, растолкав толпу, подошла ближе к дороге. Но стоило ступить на асфальт, как меня тут же оттеснили безопасники. Хреновы роботы! Чтоб у волара верховного колесо оторвалось!

Плюнув под ноги камнеликим, я зарычала и побежала в поисках обходного пути. Толпы, толпы, толпы, серые костюмы. Вывеска мигала огнями все дальше, а перейти дорогу по-прежнему было негде. Да что за издевательство такое? Я опаздывала уже на десять минут. Еще пять и можно вообще не приходить. Точно уволит! Вспомнила, как Альби хочет учиться на мага-агронома, как любит работать с растениями, вливать в них жизнь и ту же затянула пояс весеннего пальто. Ну нет. Так просто не отделаешься!

Через пару километров заметила между безопасниками окно, сквозь которое протекал серый ручеек пешеходов. Ринулась туда. Стоит ли говорить, что бежала я как проклятая, а когда предстала перед усатым фетом Горским, услышала:

– Ты уволена!

– Что? – прямо ощущала, как вытягивается мое лицо. Словно тающее под солнцем мороженое. Того и гляди, подбородок шмякнется на пол. Хотя, чего я ожидала? Опоздала на двадцать минут.

– Слушай, у меня тут не благотворительность. На твое место есть куда более перспективные работники.

– Фет Горский, я разносчица! Какие перспективы вам нужны?

– Ну, знаешь, – ухмыльнулся он. – Есть разносчицы без искры, но с особым даром, – мужчина поиграл бровями, намекая на Сесиль. Девушка действительно обладала особым даром. Так задницей вилять на двадцати сантиметровых шпильках с подносом в руках не каждому акробату по зубам. Я с мужчинами не заигрывала, вела себя вежливо и сдержанно, даже на хамство реагировала стойко, напоминая себе, для чего все это делаю. И для чего? Чтобы через три года работы услышать, что я уволена за опоздание в двадцать минут? Сдастся мне, где-то здесь пустынный мертвоед сдох!

– Значит, дело не в опоздании? Вы же сами видите, – я кивнула за стеклянные витрины, где все еще в ожидании кортежа повелителя бесновалась толпа.

– Будь ты поласковей с клиентами...

– Я нанималась разносчицей, а не проституткой! – так и знала, что опоздание лишь предлог и меня, как пустышку, принудят торговать телом.

– Не передергивай, Ари! – он положил пухлую руку на мое плечо.

– Фет Горский! – вспыхнула и стиснула зубы, даже не обратив внимания на ненавистное обращение. Когда мужчина провел ладонью по моему плечу и коснулся шеи, я отступила на шаг, гневно сверкнув глазами.

– Вот видишь! Так нельзя вести себя ни с клиентами, ни тем более со мной. Получишь недельное жалование в бухгалтерии и свободна.

Свободна, значит? Не знаю, чем я думала. Вообще я девушка спокойная, уравновешенная и ответственная. Но литровая кружка с пивом как-то сама оказалась в ладони, а затем стремительно полетела в телепатовизор. Огромный такой, плоский, во всю стену. Тысяч семнадцать анников стоил.

– А ты выкинул бутылку вина за десять тысяч с обрыва! Ты хоть представляешь, сколько мне нужно работать, чтобы вернуть деньги за этот злосчастный телепатовизор?

– Дня два?

– Дня два? – выпрямилась и задрала брови. – Вы, великородные, совсем зажрались, походу и улетели куда-то под купол...

– Потеряла работу – найдешь другую, это не повод сопли размазывать. Есть задача – решай ее. Великородные поступают именно так.

– Мне вот как-то не повезло с серебряной ложкой в заднице родиться. Да и если бы только работа! – хмыкнула я, снова откидываясь на локти и погружаясь в неприятные воспоминания. – Хотела найти утешение у Таххира. У него как раз был выходной. В подземке мне отдавили ногу и порвали платье, вытащили из сумки кошелек. О, а самое эпичное случилось позднее. Мы собирались съехаться с Таххиром на следующей неделе. У меня даже были ключи от его квартиры. Я прошла в гостиную, а меня не ждали. Там он... Трахал эту... Эту...

– Пышногрудую дохлогрызку, – подсказало великородие, а я только хмыкнула. Какая хорошая память!

– В общем, он ее прямо... Скажем так, нестандартно они это делали, – смутилась я, вспоминая увиденное.

– Анальный секс? – хмыкнул мужчина, будто ежедневно только этим и занимался. Мое вытянувшееся лицо истолковал превратно: – Петтинг? Баловались игрушками?

– Знаешь, давай-ка закроем тему. Я схватила со стола бутылку вина, забыла в его квартире пальто, а вдобавок дождь пошел. Пришла сюда, а тут... ты, – закончила сникшим голосом. – И ведь этот пустынный мертвояд даже следом не пошел! Четыре года вместе, а он не бросился за мной!

– Между анальным сексом и тобой я бы тоже выбрал анальный секс, – припечатало Ползучее Великородие. От такой наглости у меня даже слова закончились. Пожалуй, засиделась я на Лыдистом и сегодня утешения здесь не найду.

– Мне вот только мудрых советов от незнакомого мужика не хватало. Ты знаешь, тоже счастьем не искришься. И вообще, хватит с меня мужиков! Вы только и думаете, что о задницах!

– О передницах тоже думаем.

Он словно издевался! Хотя почему словно, очень даже открыто и с удовольствием.

– Да катитесь вы все!

Гневно зарывчав, я попыталась подняться и покатила сама – вниз со Лыдистого утеса. Только и успела взвизгнуть, а в следующий миг сильные руки дернули меня на себя. Я свалилась на широкую грудь великородного и, оперевшись в нее ладонями, замерла. Жизнь пролетела перед глазами за какой-то миг и, если бы не этот... родственник аркха плешивого, остаться

Альби и Тану полными сиротами. Свободный полет с обрыва на камни, поговаривают, заканчивается плачевно для тех, у кого нет крыльев.

– А я сегодня убил родного брата, – прозвучало негромко, но оглушило похлеще ядерного взрыва. От таких откровений лучше держаться подальше.

Все, что я только что в таких красках и с чувством, толком, расстановкой, описала, померкло. Оно перечеркнулось одним единственным предложением.

Отелепатеть...

И что положено сказать в таком случае? Мне жаль? Куда спрятали труп? Или, спросить, могу ли я позвонить сестре и брату прежде, чем меня скинут-таки вниз?

– Эм... Я тут вдруг вспомнила, – попыталась встать, даже уперлась ладонями в твердую грудь, но тут же прозвучало резкое:

– Сидеть!

Таким голосом только летящих аркхов замораживать. Ноги ослабли и соскользнули. Я бесцеремонным образом оседлала Ползучее Великородие, почувствовав под собой довольно внушительных размеров... В общем, размеры соответствовали званию великого.

Ничего себе пиончики на соседском балкончике! Засиделась я тут верхом на великородном.

В этот момент по счастливой случайности вспомнилось, что в девятом дистрикте, в общем-то, все свободны. Конечно, великородным, учитывая классовые различия, я подчиняться обязана, но на сексуальные связи требуется добровольное согласие. Я такого не давала, а поза как бы намекает!

– Что, такую позу вы не пробовали? – великородие поиграл бровями, а я залилась краской по самые уши.

Нет, я ошиблась. Это его величество Великогад собственной персоной!

– Еноту своему приказы будешь отдавать!

Я снова попыталась вскочить, но мужчина сильнее вжал меня в себя, впившись пальцами в мои бедра. Это было бы даже волнительно, не будь так страшно. Когда Таххир возился на мне сверху, пытаясь то ли получить удовольствие, то ли мне его доставить, это выглядело и вполнину не так интимно. Ползучий резко перевернулся, навалившись сверху и пресекая любые попытки к сопротивлению. Он распластал мои руки, прижав их к песку и холодно произнес:

– Приказ великородного.

– А то я сразу не поняла! Лицо-лопата. Служба контроля? Рейгверды?

– Хуже.

Хуже только пустынный мертвоед, но они все по ту сторону барьера.

– Меня будут искать, – сомневаюсь, конечно, что это его остановит от жуткой расправы, но не сдаваться же без боя. Для виду я еще пару раз дернулась, но слишком скоро поняла бесполезность напрасной траты сил и обмякла.

– Не сомневаюсь.

Конечно, как еще мог закончиться столь поганый день, как не моим смертоубийством на Лыдистом утесе? В этот миг даже в Бога захотелось поверить. Поговаривают, мои предки, что из русских, верили! Не только верили, но еще и получали по прошению.

Зажмурилась и горячо-горячо попросила: «Господи, если ты есть где-то там, меж звезд и планет, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, помоги! Пусть это Ползучее Великородие меня отпустит! Пусть я вернусь к Тану и Альби! Обещаю хорошо себя вести и верить в тебя, даже когда никто не верит!»

Вот кто говорил, что Бога нет? Гад ослабил хватку и позвал:

– Эй. Имя у тебя есть?

– Эй будешь своего енота звать! А я – фета Ландрин Флер Аллевойская!

Согласна. Имя у меня пафосное, да еще и двойное – отец из пятого дистрикта и там традиция давать детям двойные имена. Одно от матери, другое от отца. Вот только все, что с ним связано, меня жутко бесит. Но Ползучее бесит больше, потому захотелось припечатать его капелькой пафоса. Хотя, лежа под сотней килограмм мускулов особо не повыпендриваешься.

– Ты подданная пятого дистрикта?

– Если бы! Харви, чтоб ему аркх...

– Это я уже понял. На что ты готова, чтобы вернуться домой, фета Ландрин Флер Аллевоискская?

– Ты на что намекаешь? – гневно сверкнула глазами и хотела взбрыкнуть, но великородие перехватило меня за секунду до маневра и, опасно сверкнув глазами, нависло надо мной, касаясь кончиками медных волос.

– Я спрашиваю – на что ты готова? – меня окутало запахом миндаля и крепкого кофе.

Плюнуть в рожу, пустынный ты мертвоед, вот на что! Но оказаться после такого удовольствия внизу на камнях в крайне неудобной позе с мозгом отдельно от головы мне совсем не хочется. Стиснула зубы, понимая, что ребята без меня не выживут, а этот гад всего лишь потешается.

– Что вам от меня надо?

– Вам? – он жестко усмехнулся. – Теперь в тебе проснулись манеры, девочка?

Девочка? Да я такая же девочка, как аркх мальчик! Да и сам мужик далеко не старик, хотя во взгляде промелькнуло нечто сильное, древнее и могущественное, от чего по спине прошелся холодок. Едва заметная щетинка приятно царапнула щеку, когда он склонился к моему уху, чтоб зловеще так прошептать про манеры.

– Они очень плохо высыпаются, знаете ли. Но персонально вам могу отсыпать. Сколько?

Его ладонь сомкнулась на моей шее. Совсем не больно, но показательно. Шутить и язвить вмиг перехотелось. В глазах Ползучего Великородия разливалось олово.

Ой.

Нет! Нет, нет, нет! Ничего себе пиончики на соседском балкончике!

Хартман собственной персоной! Только какой из?

Неужели Харви, чтоб его перекосило, Венероликий? Божечки, я же в тебя поверила! Правда-правда!

Вляпаться по самые помидоры? Спроси меня как!

– Это был очень и очень плохой день...

– Только не для меня, – хищно улыбнулся правящий, легким рывком поднимаясь и поднимая следом меня. Всю такую помятую в грязном и рваном платье. Рядом с одним из правителей девятого дистрикта, которого вот в это такое красивое лицо я назвала... Да как только не назвала!

– Может, я лучше сама? Вниз?

– Вниз тебе не грозит, девочка. Теперь – только вверх.

Понимаю, глупо, но я перевела взгляд вверх.

А над нами бесшумно завис волар последней модели. То есть полностью из небьющегося (вот совсем небьющегося) стекла с каркасом из гарцана.

– В смысле, вверх?

– Жду тебя завтра. В час дня. Надень что-нибудь приличное и не опаздывай.

– Э-э... С какой стати?

– Завтра и узнаешь.

Он обхватил мой подбородок пальцами и чуть приподнял, чтобы лучше разглядеть мое лицо в сиреновом свете Венеры. Недолго думая, мотнула головой и цапнула его за руку. Пока Ползучий не опомнился, со всех ног бросилась к единственной тропинке, ведущей вниз.

Меня настигли стремительно. Так стремительно, что даже пискнуть «мама» не успела.

- Не испытывай мое терпение и садись в воляр!
- Сам садись в свой воляр, я с тобой никуда не полечу!

Чтобы не брыкалась, Ползучее скрутило мне руки и, удерживая их за спиной, грозно прорычало:

– Приказ великородного. Садись в воляр и летишь домой. Завтра в час дня жду тебя в Аклуа Плейз.

Его глаза вновь стали пепельно-сизыми, а я поняла, что хуже, чем есть, день закончиться попросту не мог. Точнее, хуже будет, если воляр по дороге сломается, и мы разобьемся. Вот только с трудом верилось, чтоб повелительская летательная машина была способна на такую подлость.

- Недаром тебя народ ненавидит! Пустынный мертвояд!

Аркх с ним! Пусть наказывает, пусть с утеса сбросит, пусть что хочет делает, мне уже все равно! Игнорируя странный взгляд – гнев вперемешку с удивлением – развернулась на каблуках и... чуть не свалилась, потому что один из них с жалобным криком сломался.

Спокойно, Ланни. Дыши. Один. Два. Три... А, к аркху плешивому!

Не удержалась и зарычала, крепко-крепко сжав кулаки. Затем сняла туфлю-предатель, нормальную туфлю, со всей силы швырнула их с утеса и, не поворачиваясь, прорычала Великородию:

– С тебя бутылка вина за десять тысяч анников, туфли и компенсация за разбитый телепатовизор!

С этими словами забралась в воляр и плюхнулась грязным платьем на диванчик из свежесделанной кожи. Желудок вместе с легкими остался на утесе, когда мы поднялись в воздух. Только когда следившее за нами взглядом Великородие по размеру не превосходило крошко-еда (которого так и хотелось раздавить), желудок и легкие нас догнали.

- Вашу ладонь, фета.

Привычно приложила ладонь к планшету и незнакомый тощий мужик, чем-то напоминавший богомола, только не зеленого, а светло-коричневого, получил обо мне полные данные. При рождении все жители дистрикта попадают в единую базу, где собирается абсолютно вся информация о человеке. Сейчас этот самец богомола может посмотреть и на мой последний визит к гинекологу, и на школьный аттестат, и даже на фотографии с выпускного в университете. Особенно последнее меня пугает!

- Куда летим?
- Домой.

Уточнять смысла нет. В бортовом компьютере помощника Великогада уже высветилась точка назначения: тринадцатый квартал, четвертый квадрат, седьмой этаж, дом номер три.

- Пристегнитесь, мы перейдем на сверхзвуковую скорость.
- Ага, как бы не та-а-а...

«Так» растянулось, кажется, в вечность! Меня вжало в сиденье с такой силой, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни даже моргнуть не получалось, а щеки расплзлись в стороны. Только спустя несколько секунд, когда худые пальцы пилота пробежались по сияющим квадратикам на сенсорной панели, вернулась способность к жизнедеятельности.

- Должен предупредить, чтобы вы не распространялись о произошедшем.

– Вот ведь незадача! А я только хотела позвонить Аландри Деморти и всем разболтать, что плюнула в лицо Харви Венероликому, назвав его Ползучим Великородиём. Это же Харви был? Или все же Кайл? Или...

- Достаточно, фета, – холодно прервал мужчина. – У вас, кажется, брат и сестра.

Я заткнулась. Непрозрачный намек достиг цели. Отвернулась и принялась разглядывать пейзаж, если картину за окном можно так назвать. Скорее что-то из авангардизма. Мне нечасто вообще-то доводилось летать на волярах. Только в детстве, когда мама еще была жива,

а отец нас не бросил. Мы все вместе летали в парк аттракционов и за покупками в главный гипермаркет, что в башне Аклуа Плейз, там, куда Харви, чтоб ему песка в трусы, приказал мне завтра прийти. Ведь именно в Аклуа Плейз заседают Хартманы.

Неоновые огни за окном смазались в бело-красно-зеленые полоски, мельтешащие словно вспышки фейерверков. Будто разноцветные блестки засыпали в миксер и нажали на максимальную скорость перемешивания. Огни играют, водят хороводы, обтекают волар ласковыми волнами и уносятся прочь.

Представить невозможно, что повелители каждый день летают на воларах по собственной выделенной линии и наслаждаются таким видом! Это несправедливо!

У-у, Ползучее Великородие! Ненавижу!

– Я поняла, – сказала севшим голосом после долгого молчания. – Не распространяться. Не переживайте. Пустышке все равно никто не поверит.

– Сейчас не те времена, фета. К тому же, журналисты могли вас заметить, когда вы пытались убежать от фетроя.

– Журналисты?

– Они найдут его даже за куполом. Никаких интервью, никаких комментариев. Мне бы не хотелось лишний раз напоминать, что стоит на кону.

Не хотелось бы, а все равно напоминает. Брат и сестра все еще несовершеннолетние и меня могут лишиться права на опеку. Сволочи! Мерзкие пустынные мертвоеды, вот они кто!

Светло серые, почти ледяного цвета глаза водителя внимательно следили за пространством, хотя на такой высоте, особенно с автопилотом, можно было закинуть ноги на приборную панель и наслаждаться полетом. Точнее, чем-то смазанным там, за окном. А ведь скорость совсем не чувствуется. Мы будто замерли на месте!

И что-то подсказывало, пилот вовсе не пилот...

– Не переживайте. Крест на могилке и то больше расскажет!

Мужик глянул на меня как на ненормальную. Но, как дипломированный историк, я знала, что несколько тысячелетий назад людей не кремировали. Их закапывали в землю, ставили крест, с именем и датами жизни, огораживали это место заборчиком. Это чтобы было куда прийти, поговорить, поплакать и перекусить в особые дни. Что-то подобное для особо богатых практиковалось и триста лет назад, на окраине дистрикта. Потом случилось массовое «восстание». Просто в один из дней родственники обнаружили вскрытые могилы, и началась такая паника, что Хартманы, правившие в то время, издали декрет о кремации. С тех пор скончался – получи от дистрикта индивидуальную жилую площадь размером двадцать на двадцать сантиметров из пластика или, если ты побогаче, металла либо даже дерева. Хочешь – развей прах над обрывом памяти, хочешь – храни дома, дело твое. У меня так и не поднялась рука развеять все, что осталось в память от мамы.

А ларчик с могилами, к слову, просто открывался. В щите образовалась брешь, и из пустыни в город ломанулись пустынные мертвоеды. Животных быстро ликвидировали, но декрет все же остался в силе.

– Спускаемся, – отчеканил мужчина и волар стремительно сиганул вниз.

Забыла пристегнуться и со всей силы впечаталась в стеклянный потолок.

Выходила из чудо-техники недовольно потирая голову. Хорошо, что сейчас глубокая ночь, и соседи спят, иначе от вопросов о навороченном воларе потом не отвертеться. Особенно соседка фета Шурья досужая. Уж каждый раз, стоит выйти из дому, внимательно оценит: в чем, с чем, зачем и когда. А потом не упустит случая, чтобы вернуть что-нибудь этакое, от чего волосы на спине зашевеливаются. Как-то пожаловалась мне на Альби, даже угрожала, что с опекой свяжется. Якобы сестра моя по девочкам специализируется, потому что слишком уж жарко с подругой прощалась. Конечно, я не одобряю современную моду целовать друг друга на прощанье, даже в щеку, но и диктовать молодежи условия бесполезно. Они все равно поступят

так, как считают нужным. Альби четырнадцать и она разберется со своей личной жизнью, но воспитательную беседу и профилактический шмон в ее комнате я тогда все же навела и внутренне успокоилась. Она давно, глубоко и, кажется, безнадежно еще с третьего класса влюблена в Итана Хогарда. Все, как полагается: блондин, спортсмен, звезда школы из семьи великородных. Не особо богатых, но тем не менее.

Выплыла из воспоминаний, когда мощная воздушная волна сбила меня с ног и заставила плюхнуться на колени в пыль. Зашибись. Еще только синяков для полного счастья не хватало!

– Чтоб у тебя телепатическая энергия кончилась, а зарядиться негде было! – плюнула стремительно уносящейся вверх точке. Кроме точки, к слову, наверху много чего было: огромный сиреневый диск Венеры едва ли не на полнеба, выглядывающие отовсюду шпили высоток, неказистые многоэтажки, покрытые наверху шапками карликовых деревьев, солнечных батарей и резервуарами для сбора дождевой воды и росы, медленно плывущие волары тех, кто победнее. Увы, на обособленный домик где-нибудь в тихом районе или домик повыше у нас не было денег. Наверху, конечно, поспокойней, вид красивее, меньше грязи и уровень преступности, но это мечты из прошлой жизни. Когда-то мы жили на среднем уровне...

Когда-то.

Закончив сеанс воспоминаний, я смахнула подступившие слезы, нащупала в кармане карту и вошла в стеклянный лифт, шлепая босиком. Кабина качнулась, завизжали механизмы, и мы медленно поползли вверх. Точно когда-нибудь это устройство сорвется и расколосматит нас к Егоровой бабушке! Когда стеклянная кабина лениво раскрыла наполовину створки, предлагая протиснуться через них, как уж придется, я стремительно вылетела в прихожую. Точно пора поверить в Бога. Не представляю, как та же фета Шурия к себе на пятый этаж завтра поднимется. Ее филей не в пример моему.

Приложила пластик к панели и тихонько зашла домой. Родной запах защекотал ноздри. У каждого дома есть свой уникальный аромат, которого уже достаточно, чтобы почувствовать себя лучше. Пахло сырой травой и землей – Альби снова что-то выращивала и забыла закрыть двери в огород, Тан мастерил какие-то приборы и не закрыл банку с маслом, с кухни веяло теплым ужином. Дом, милый дом! В холодном многомиллионном мегаполисе из стали, стекла и песка порой чувствуешь себя пылинкой, винтиком в непонятном механизме, пустотой. И только оказавшись дома понимаешь, что внутри кожаного мешка, кроме крови, мяса и костей есть душа.

В комнате Альби шептала музыка. Я заглянула тихонько, но сестра уже спала. Выключила проигрыватель, накрыла ее одеялом. Зашла проверить Тана. Снова пришел за полночь! Грязные ботинки валялись около кровати, плюхнулся спать прямо в одежде, даже не вынул наушники из ушей. С ним особо не церемонилась. Выдернула наушники, стянула грязные носки, дернула джинсы, из заднего кармана которых выпал презерватив.

– Отвали, а! – заплетающимся языком прошепелявил брат.

– Что-о? – склонилась, понюхала. – Отлепатеть! Ты что, пьяный?

– Я пьяный? – брат перевернулся на спину и попытался сесть, но у него не получилось. Он повалился обратно на подушки. – Забодай меня бодан, я правда пьяный.

Низкий рваный смех, словно кашель енота, заставил прийти в себя.

– Тан, ты что творишь? – подняла с коврика презерватив и помахала перед носом брата. – Как это называется?

– В твоём возрасте и не знать? Стыдно должно быть, Ланни.

– Тан!

– Ой, отвали, мамаша. Мне шестнадцать, имею право иметь женщин! Сказала бы спасибо, что предохраняюсь.

– Отелепатеть. Спасибо, Тан, – заметила язвительно, даже не зная, как реагировать на подобное поведение. Брат и прежде сбегал из дома или приходил поздно, но чтобы пьяным? И чтобы из кармана презервативы сыпались? Это что-то новенькое. – Так, встал!

– Чего?

– Встал, живо! – скомандовала ледяным тоном, а сама отправилась в душевую, как раз напротив его комнаты.

Настроила на панели минимальную температуру, запустила внутреннюю систему циркуляции и за шкурку потащила сонно-пьяного брата прямо в приспущенных джинсах и сползшей с плеча майке. Из соседней комнаты выглянула сонная Альби в длинной розовой ночнушке.

Пихнула брата в кабину и закрыла пластиковые двери. Тан терпеть не может холодную воду, мигом проснулся, завопил и стал колотить в дверцу:

– Выпусти меня! Ландрин, аркха тебе в задницу, выпусти!

– Что ты сказал?

– Сцакха!

– Что-что?

Меня колотило от гнева и обиды. Должно быть, произошло нечто из ряда вон выходящее, если брат ведет себя так и еще позволяет себе оскорбления в мой адрес. Я никогда не смогу заменить им родителей. Да и родителем быть не умею. Матери не стало семь лет назад, когда мне было уже восемнадцать, Тану только девять, а Альби вообще семь. Отца, чтоб дохлогрызки его останками побрезговали, если умер, мы лишились сразу после рождения Альби – четырнадцать лет назад. Стоит ли говорить, что все нуждались в родительском внимании и заботе, но не получали их? У всех сформировались свои комплексы, свои обиды и каждый справляется с трудностями как может. Я никогда не ставила себя в положение матери, старалась быть другом, но иногда приходится вести себя жестко, если дорогой тебе человек гробит свою жизнь.

Альби положила ладонь на мое плечо и негромко произнесла:

– Оставь его, Ланни.

– Ты знаешь, что случилось? – я увеличила температуру воды и Тан начал успокаиваться. Постоял немного, облокотившись руками о стену, затем провел ладонями по коротким светлым волосам и вытер лицо.

– Я не особо в курсе, но они с Итаном поцапались и...

– И стоило из-за этого напиваться?

– Нет, – Альби махнула головой и посмотрела на брата, который едва сдерживал слезы. Тан чувствительный парень, из-за чего в школе ему приходится нелегко. В мужском обществе это не ценится. – Какая-то девчонка наговорила ему гадостей и сказала, что с ним никто и никогда... не станет... ну...

Сестренка отвела взгляд.

– Понятно. Вот скотина! Иди спать, дорогая.

– Не ругай его, ладно?

– Я же не бессердечная сволочь! Иди.

Альби привстала на цыпочки, поцеловала меня в щеку и, бросив на брата сочувствующий взгляд, ушла спать.

Дождавшись, пока Так относительно успокоится, открыла дверцу душа, выключила воду и протянула ему полотенце.

– Что, Берти все тебе уже растрепала?

– Перестань. Поговори со мной.

– На кой?

Он снял с себя мокрую футболку, выжал и швырнул в корзину для белья, то же проделал с джинсами, остался лишь в мокрых трусах и поднял брови.

– Так и будешь пыриться?

– Перестань. Давай поговорим. Ты не один и можешь мне довериться.

– Поговорим с тобой? Об отношениях? О сексе? – усмехнулся брат, задрал брови.

Действительно, о таком как-то непросто говорить с подростком. Да и опыт мой ограничивается Таххиром с его скудными возюканиями, преимущественно, пока я еще сплю. Словно прочитав мои мысли, Тан припечатал:

– Ты со своими отношениями сначала разберись, а уже потом с советами лезь, мамаша.

Стиснула зубы, глотая обиду. Разговаривать с ним в таком состоянии – пустая трата сил, заставляя извиниться или осознать неправоту – тоже. Проще:

– Вытирайся и спать. Поговорим завтра. Если тебе не нужна моя помощь, то хотя бы веди себя достойно. Не я тебя обидела и не на мне следует вымещать злобу. Доброй ночи, Танар.

Я поцеловала брата в мокрую макушку, хоть он и пытался отстраниться и вышла. Да. Вот тебе и денек. Еще повезло, что за таким показательным выступлением брата никто не обратил внимания на мой внешний вид, а выглядела я немногим лучше него.

Переоделась и свалилась в кровать. Думала, что сразу засну, но нет. В голове крутились события сегодняшнего дня: увольнение, измена Таххира, обидные слова Венероликого. Да что б им всем пусто было! А хуже всего, что мне никогда не удастся забыть выражение лица Таххира, когда он забавлялся с той блондинкой! Приспущенные ресницы, дрожащие от наслаждения губы, чувственные пальцы, что страстно стискивают мясистые ягодицы этой дохлогрызки... И близко не похоже на то, что было у нас.

«Спи, Ланни, я быстренько сделаю свое дело и на работу», – говорил он. Так и приучил меня, принимать секс за данность. Таххиру надо, Таххир прыснул в презерватив, скрылся в ванной и ушел на работу. А я просыпалась в пустой постели, в чужой квартире с застывшей душой. А еще съехаться с ним хотели на следующей неделе! Какое счастье, что вещи собирать не начала, иначе я бы ему эти чемоданы в одно место засунула!

Мысли о мести несколько приободрили, хотя подушка к утру все равно была сырой от слез.

К утру...

Вставала я всегда рано. Сегодня – в полпятого. Нужно успеть привести себя в порядок и к шести быть в национальном театре оперы и балета. Наскоро вымыть полы и успеть немного позаниматься, пока никого нет. В восемь утра открываются двери и выпускают танцоров, стажеров и преподавателей. К этому времени меня уже быть не должно.

Балет – моя страсть. С самого детства родители оплачивали мне дорогостоящие уроки, я часами проводила в зале и даже собиралась поступить в дистриктскую академию театра и танца, но... Отец нас бросил, а у мамы не было денег на оплату обучения. Худо-бедно она наскребла на первый курс исторического факультета, а потом я совмещала учебу и работу. Впрочем, диплом магистра истории помогает мне разве что вернуть что-нибудь умное при разговоре и только. Пустышек все равно не возьмут на серьезную должность. Помощник артефактора или библиотекарь в архиве – потолок. Но на деньги, что предлагают за эту работу я не смогу прокормить семью из трех человек, да еще и скопить ребятам на обучение. Потому приходится совмещать множество подработок. Увы, но в итоге не остается времени на личную жизнь. Видимо поэтому Таххир и нашел себе другую.

Стоп. Забыть и вычеркнуть из жизни.

Приняла душ, зачесала наверх белоснежные волосы, надежно закрепила шпильками култышку, надела любимый сарафан с принтом из больших цветков и пошла готовить кофе. Альби уже проснулась и возилась в огороде. Заглянула к ней:

– Эй, доброе утро. Чего не спишь?

– Я посадила лекарственный одуванчик. Наблюдаю за его жизненным циклом. В пять утра он раскрывается, хочу посмотреть, что будет, если повлиять на процесс магическими потоками. Изменит ли это лекарственные свойства?

– Умничка. Сварить тебе кофе?

– Ага, я скоро буду.

Альби практически не доставляет хлопот. Благодаря ее дару земли у нас на столе круглый год овощи, зелень, даже фрукты и ягоды, хоть и немного.

Я насыпала зерен в кофе машину, нажала кнопку и задумалась, глядя на совсем еще малышку, что с удовольствием возилась с растениями. Захрустели зернышки, пахнуло ни с чем несравнимым ароматом. Знаю, этот запах способен и мертвого из постели вытащить, а потому жарила тосты на троих. Улыбнулась, услышав, шлепки босых ног по линолеуму. Скрипнул стул. Тан навалился на стол и, взъерошив волосы, многозначительно открыл рот.

Помахала ему ножом:

– Это намек?

– Ага. Кому-то не помешает укоротить язык, – беззлобно заметила я и улыбнулась. Намазала тост малиновым вареньем, разлила по чашечкам кофе и позвала сестру.

– Ланни, прости меня. Я не должен был так с тобой разговаривать.

– А напиваться? – добавила я, облизнув палец.

– Вот это личное.

– Давай так, – сполоснула нож и устроилась напротив брата. – Я не стану лезть с вопросами, а ты обещаешь не делать глупостей. Алкоголем ты проблему не решишь, а только усугубишь ее. И вообще, где ты деньги взял? Где купил?

– Стянул у Итана.

Я честно обещала себе не сердиться и не читать мораль, но это уже переходило все границы. Чашечка с кофе замерла возле моих губ. Пряный аромат требовал насладиться вкусом, но откровение брата не меньше требовало адекватной реакции:

– Давай без морали на тему воровства. От этого сцакхи не убудет.

– Тан!

– Ладно, пустынного мертвоведа.

Еще куда ни шло. Меня тоже нельзя назвать образцом благовоспитанности и свои огрехи в воспитании имелись. Жизнь в бедных кварталах накладывает отпечаток.

– Ты не можешь воровать у людей вещи только потому, что считаешь их недостаточно...

– Ландрин, – перебил брат. Увидев мою грозную физиономию, закатил глаза и поправился: – прости, что перебил. Я не вор. И сделал это только чтобы ему отомстить. Я не пойду сегодня в школу.

– Это что еще за новости? У тебя выпускной курс! Через два месяца экзамены!

– Подготовлюсь дома.

В такие моменты мне остро не хватает отца! Или хотя бы мужского совета! Я чувствовала бессилие. В свои шестнадцать Тан выше меня ростом, шире в плечах и, по сути, может нехило так двинуть в качестве аргумента, реши я его наказать. К счастью, отношения у нас другие. Сложно сказать, какие именно, просто другие. Он всегда закрывается, я не лезу в душу и все само собой утрясается. Только на этот раз не утрясается, я это чувствовала.

В свое время Таххир посоветовал оставить парня в покое, а больше советчиков у меня и не было. Да и узнать подробности случившегося – тоже не у кого. Альби известны слухи, Тан не скажет, а директриса сделает вид, что вообще ничего не произошло, ведь отец Итана – Берли Хогард – возглавляет администрацию тринадцатого квартала. Нашего квартала. У него достаточно власти не только испортить жизнь Танару и Альберте, но и мне подложить под двери архового дерьма. Ситуация хуже не придумаешь.

– Я верю, Танар, что ты сможешь со всем справиться. Я тебе не мать и не отец, как ты все время повторяешь, но я люблю тебя и забочусь, как могу. Ты ничего не исправишь, бегая от проблем или ища спасение в алкоголе. Ты ведь мужчина. Добрый, отзывчивый, ответствен-

ный и невероятно мужественный. Таким я тебя вижу. И именно за это однажды тебя полюбит хорошая девчонка.

– А может мне не нужна хорошая? Может мне просто нужен перепих?

– Ты сейчас грубишь от обиды. Ты не такой. Уж мне можешь не врать. Не бери пример с Итана. Будь собой.

– Легко тебе говорить. Не больно-то кому-то я нужен таким, какой есть.

– Мне нужен, – я накрыла руку брата ладонью. – Пусть тебе этого недостаточно, но мне ты нужен.

– И мне, – улыбнулась Альби, закрывая ногой двери в огород.

– Вот только трогать меня такими руками не надо, ага? – съязвил брат.

Сестренка тряхнула белокурым кудряшками и игриво подкралась к Тану, делая вид, что собирается испачкать. Наконец, смех стряхнул напряженную обстановку и помог расслабиться. Но я понимала, что смех – это тоже не решение проблемы. У нас всего лишь маленькая передышка.

– Альби, шелкни зорыча, посмотрим, что там! – крикнул Тан, подгибая под себя ногу и уже расслабленно потягивая кофе. Сестра вымыла руки и провела ладонью над панелью активации. Включился счетчик телепатической энергии, которую тратит телепатовизор.

– Жители девятого дистрикта, – промурлыкала симпатичная блондинка с резко очерченными скулами и удивительными, почти прозрачными голубыми глазами. Аландри Деморти – ведущая главных программ и несравненный голос оповещений, экстренных и не очень. – Напоминаю правила безопасности. Не подходите к животному, у которого больше двух голов, четырех лап и одного хвоста, не принимайте его в пищу, не пейте воду из открытых источников. При подаче воды зеленого или красного цвета сообщите в службу зачистки. При обнаружении запрещенных существ – звоните ликвидаторам. Не ешьте ягоды, размером с ноготь на вашем большом пальце и грибы, размером с ладонь, – последнее предложение Альберта и Танар повторили вслед за Аландри, пародируя ее важный голос, а затем рассмеялись, провожая меня взглядом.

Стандартная заставка активировалась автоматически и при оплате за телепатовизор не учитывалась. Увы, но после недавнего прорыва щита в город заходили ядерные ветра, а это означает новую волну аномалий: странных животных, ядовитых фруктов и овощей, неведомых болезней. Поговаривают, что Хартманы теряют былую силу... Во всяком случае, она нестабильна. Кстати о плешивых.

– Экстренные новости. Сегодня стало известно, что Самуил Хартман – младший в семье правящих – скончался в больнице, не приходя в сознание...

– Ого, – лица ребят вытянулись, а из моих ладоней выскочила кружка, которую я хотела помыть. Едва успела подхватить ее.

Выходит, Харви не шутил? Он убил брата? Оставила посуду и вышла из-за декоративной панели, чтобы посмотреть, что происходит. На экране показывали кадры из больницы, выступления Самуила, который, в отличие от Харви, внешнего вида никогда не менял. Он был самым серьезным из братьев, и самым воинственно настроенным. Всегда говорил о необходимости бросить вызов тринадцатому дистрикту и объединить наши территории под единым правлением Хартманов. Вот только другие братья инициативу не поддерживали.

– Пока официальных комментариев от фетроев не получено, двери в Аклуа Плейз плотно закрыты и не пускают журналистов. Пресс-служба правящих сообщила, что сегодня в девять утра будет дана пресс-конференция. Мы обязательно проведем трансляцию в режиме прямого эфира, где вы сможете отправлять нам ТМС. Авторы лучших вопросов получают ответы от самих Хартманов. Источник, приближенный к семейству, сообщил, что это может быть связано с недавним прорывом и возможным налетом аркхов. Студия?

– Отелепатеть, – заметила Альберта. Я полностью присоединилась к комментарию.

– Выходит, их теперь трое? А что будет со щитом?

Мы повернулись к окну. Там, вдалеке едва мерцала голубая пленка барьера, защищающего дистрикт от ядерных ветров и монстров, о существовании которых лучше не знать. Самыми страшными считаются аркхи: с мордой ящерицы, телом льва и мощными крыльями, чьи перья не берут даже лазерные пушки. В первую очередь, щит защищает дистрикт от них, поскольку твари время от времени находят возможность его пробивать и устраивают налеты. А приенотить их могут только Хартманы, и останутся от аркха только перышки да шерсти клочок и с той носков не свяжешь, потому что паленая.

– Думаю, все будет хорошо, – успокоила ребят. – Ладно, мне пора, иначе опоздаю и в подземке снова будет давка. Альби, убедись, чтобы Тан сегодня дошел до школы, договорились?

– Ага.

– Буду поздно. У меня ночная смена во Флай Скай, – послала ребятам воздушный поцелуй, накинула кофточку, подхватила сумку и юркнула в лифт. Боженька, я ж теперь верующая, пусть я доеду в целости, сохранности и не застряну!

Доехала, вознесла хвалу и кинулась к ближайшему входу в подземку. Улицы еще спали, укутанные сизыми сумерками. Прямо как глаза у Харви, чтобы ему аркх чего важного отгрыз, Венероликого! Не к добру вспомнился! Я приложила планшет к сканеру, который автоматически списал с моего счета плату за проезд, прошла через турникет и встала на платформу, чтобы стремительно унести вниз, к железным земляным червям.

К счастью, трен оказался полупустой, я даже устроилась на грязном обшарпанном сиденье и прикрыла на минуту глаза. Прикрыла, называется, а в темноте мерцал образ Великогада! Сегодня сам Венероликий меня, видите ли, ожидает в главной башне дистрикта. Что-то подсказывало, у него будут более важные дела. Например, придется отбрехиваться от обвинений и убеждать конгресс, а заодно и всех жителей, что правящие в состоянии стабилизировать ситуацию в дистрикте. Наверняка теперь вызовы на состязания посыплются один за другим! В общем, я решила с чистой совестью послать Харви исследовать пещеры в заднице аркха, поскольку у меня будут более важные дела. Я в главной больнице дистрикта в платном отделении утки за больными буду выносить. Ручками!

Национальный театр оперы и балета встретил меня величественным молчанием. Все как и всегда. Располагается он на сто двадцатом этаже главного культурного небоскреба – Арт Палас, наводненного галереями, музеями, театрами и прочей культурной составляющей. Здесь же ютятся художественные и танцевальные институты.

Стекланный лифт, в отличие от нашего, скользил бесшумно. Вместо механизмов здесь телепатическая энергия. Мы с другими дремлющими работниками взмывали ввысь на легко мерцающем облаке. Страшновато, конечно, было первое время. У нас дома хоть какой-никакой, но трос есть, а здесь облачко и воздух. А ну как телепатическая энергия закончится? История не знает таких случаев, но всегда что-то случается впервые.

С такими странными мыслями я вышла на нужном этаже и двинулась по пустым холлам, еще не освещенным многочисленными лампами и светильниками. Быстро переделась в своей коморке в рабочую форму, перекинулась парой слов с администратором и принялась работать шваброй. Повсеместно уже давно используются роботы-помывщики, но моют они не в пример хуже. К тому же, не могут залезть туда, куда пролезает человеческая рука, потому пару раз в неделю нанимают нас – поломойщиц, вычищать и убирать за роботами. Кинув пренебрежительный взгляд на дремлющего Гарика (так назвала бело-синюю штуковину, отнявшую у меня полноценную работу), отправилась выскребать грязь и отлеплять жвачки отовсюду. О, велика человеческая фантазия и изобретательность...

Через час работа была выполнена. Я переделась, предупредила администратора – фету Ликсди, что немного позанимаюсь и отправилась в самый дальний зал. У нас с фетой Ликсди негласная договоренность. Она дает мне возможность заниматься, но, если об этом станет

известно, я сама по себе и полетит только моя голова. Вообще, фета Ликсди увлеклась какой-то древней практикой, то ли йогой, то ли еще чем-то таким непонятным, так вот согласно их верованию, следует творить добро другим, чтобы получать добро в ответ. А что бы за это добро не получить втык от начальства, такая вот маленькая поправочка, мол, мой балкончик на последнем этаже, ничего не знаю, ничего не видела.

Наскоро перетянула пальцы на ногах капроном, надела уже порядком износившиеся пуанты. Подошла к станку, сделала небольшую разминку, затем активировала проигрыватель, подключив его к собственной телепатической энергии. Понимаю, искра у меня не ахти какая, но уж такие вещи, как поддержка звука в течение без малого час я себе позволить могла.

По залу, окруженному зеркалами, разлились ленивые фортепианные нотки. Словно пианисту было жалко терзать инструмент. Нехотя, сонно. Затем музыка стала набирать темп, ноты зазвучали яростно, жестко, но исполнение вновь обрывалось и ритм спадал до медленного. Это моя любимая часть постановки, которая сейчас готовится к показу. Называется «Взрослые тоже верят в сказки». Я как раз относилась к тем взрослым, что верили сказкам. Этой постановке более двух тысяч лет. Ее никогда радикально не меняли, адаптируя лишь под современную действительность. Корни свои спектакль берет в древнем балете «Золушка».

Современная история рассказывает о жительнице девятого дистрикта, которая потеряла родителей. В результате ее жизнь из красивой сказки превращается в тяжелые рабочие будни. Мачеха терроризирует ее, сестры те еще дохлогрызки, а старший брат – вообще пустынный мертвояд, домогается беднягу время от времени. Она сбегает из дома, долго скитается, но в итоге находит друзей, занимается любимым делом, встречает принца и, преодолев кучу преград на пути к счастью, выходит за него замуж. Разумеется, отрицательные герои получают по заслугам и справедливость торжествует вместе с главными героями.

Красиво, но неправдоподобно.

Чем-то напоминает мою жизнь, вот только принца в ней что-то не видно. Таххир даже на роль коня не тянет. Коня. Я усмехнулась, представив своего бывшего таким же маленьким, едва до моего колена ростом. И как только в древности на них пахать умудрялись? Ни Таххиром, ни конем огород не вспашешь! История – удивительная штука. На учебе порой казалось, словно я читаю фантастический роман, а не факты из жизни предков.

Сейчас я плавала по шершавому каменному полу, исполняя изящные пируэты, легко, как перышко, взмывая в прыжках, или склоняясь низко к самому полу. Обращала внимание на выворотность, на подобранные локти, втянутые колени и, разумеется, осанку!

«Вы должны все время держать осанку!» – строго говорила фета Рорэль, моя детская преподавательница балета. – «Представьте, что от вашей макушки до копчика проходит железный стержень, за который вас все время тянут вверх. Чувствуйте это всегда. Не только в зале, но и дома, в воляре или трене, на прогулке или во время сна. Всегда! Осанка – лицо балерины».

Чем тогда является само лицо – непонятно, но благодаря стараниям феты Рорэль я действительно выгодно выделялась из толпы поставленной осанкой и длинной шеей.

Тур, пике, шене, шене, взмыть в гранд жете и осесть на пол мягким цветочным лепестком в окружении легкой ткани юбки. За кажущейся невесомостью движений на самом деле титанический труд. Мало кому об этом известно.

Я тяжело дышала, когда музыка затихла. Во время танца я была сама собой, выливая тревоги и печали, выбрасывала из головы лишнее. Есть только музыка, движения и мой внутренний мир. Когда тело ломит от усталости, а пальцы кровоточат, тогда нет места душевной боли. Нет места одиночеству, которое начинает временами грызть изнутри, нет места страхам, за свое будущее, за будущее брата и сестры, нет места сомнениям. Есть только цель – слиться с музыкой, стать ее продолжением. Во время танца все просто. Жаль, что жизнь не танец.

Внутри все упало, когда в зале слышались медленные, ленивые аплодисменты. Они больше походили на стук молотка судьи. Беспощадный. Холодный. Почти жестокий.

Вскинула голову и в зеркале заметила отражение высокого широкоплечего мужчины в серых тренировочных штанах и в обтягивающей грудь майке. Его лицо пряталось в тени, ведь за окном еще темно, а я зажгла в зале лишь одну напольную лампу, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но даже сквозь тьму, скрывающую его лицо, почувствовала жесткий взгляд; губы стиснуты в тонкую линию, в черных волнистых волосах, зачесанных кзади, едва пробегают серебристые искорки. Великородный. Чистая искра. И что делает здесь?

– Имя?

Судорожно сглотнула и поднялась. Ладони вспотели, сердце бухнуло и заколотилось в горле. Попыталась ответить, но издала лишь невнятный хрип. Нет. Это не может закончиться так! Боженька, пожалуйста, помоги! Конечно, кощунственно, только обретая веру, чуть что к Богу бежать. Я ведь, между прочим, его еще ничем за предыдущую помощь не отблагодарила! Но есть в вере что-то такое, что не дает опустить руки. Надежда, наверное... Надежда на чудо.

– Имя, – жестко повторил он.

– Ландрин Флер Аллевойская, – набравшись смелости, представилась полным именем. Тонуть, так с высоко поднятой головой.

– Ты не из моей труппы, – он шагнул в луч света, позволяя внимательно себя рассмотреть. Ничего себе пиончики на соседском балкончике! Вот везет так везет в последние дни. Фет Максимилиан Ронхарский! Постановщик «Взрослые тоже верят в сказки»! Все. Мне хана.

– Уверю, я ничего не сломала. Сейчас же соберу вещи и...

– У тебя неправильно завязаны пуанты, поэтому на арабеске теряешь равновесие, – он бросил ветровку на лавку и бесшумно подошел ко мне. Ступал так легко, словно ничего не весил, несмотря на внушительные габариты. Вот бы увидеть, как он танцует. Наверняка превосходно! Говорят, когда Максимилиан ушел в постановщики, то перестал танцевать. Даже движения пьесы показывали его помощники, он лишь корректировал, в лучшем случае показывал позу или постановку рук.

Дальнейшее вообще казалось невероятным:

– Ногу на станок.

Подошла к станку и, коснувшись руками теплого дерева, положила ногу. Мужчина мягко дернул ленту пуантов и профессионально перевязал. Действительно, я допустила ошибку, видимо впопыхах.

– Пятачок стерся. Следует заменить обувь.

– У меня нет такой возможности, – произнесла едва слышно, позволяя перевязать пуант на другой ноге. Я и сама видела, что они почти негодные, но на новые денег у меня нет.

– Нашла возможность тренироваться, найдешь возможность добыть новые. Второй акт, с арабеска. Движения знаешь?

– Конечно, – без лишних слов вышла в центр зала и замерла.

Отлепачать! Я танцую по просьбе самого фета Ронхарского! Можно сказать – это кастинг!

Не знаю, сколько нужно танцевать, но я готова все тридцать минут! Партию знала наизусть, вот только там дуэт... Но ничего, дуэт можно и одной станцевать, обозначив парные элементы. Я встала в стойку. Действительно, на перевязанных пуантах равновесие держалось куда лучше.

Зазвучала музыка, и я вступила. Арабеск, поворот, тур, волна в такт музыке, наклон. Мелко застучали по полу пяточки пуантов. Самый приятный звук на свете! Идеальный поворот головы, тело натянуто, словно струна, каждый пальчик на своем месте. В зеркало я следила за безупречными линиями тела, за мрачным и сосредоточенным взглядом Максимилиана, но, когда при следующем повороте он взял меня за руку и в следующий миг закружил в поддержке, сбилась. Быстро исправилась и следующие десять восьмерок мы танцевали вместе. Скользили друг по другу телами, я взмывала вверх и падала почти до самого пола. Такого невероятного

партнера у меня прежде не было. В его руках я была готова на все – на любые движения и поддержки, хотя всегда боялась перехода из верхней стойки в нижнюю, боялась, что руки партнера соскользнут, и я разобью себе лицо. К счастью, все обошлось. Сейчас же не было никакого страха. Сильные руки держали нежно и уверенно, движения оказались легкими, плавными, грациозными, ими хотелось любоваться, что я и делала, наблюдая за нашими отражениями в многочисленных зеркалах. Когда музыка стихла, я, натянута до предела, застыла в его вытянутых руках, поднятая высоко над полом. Впервые не боялась упасть. Во всех смыслах этого слова.

Через несколько секунд Максимилиан уверенным движением вернул меня на пол и, выровняв сбившееся от танца дыхание, выдал:

– Данные имеются.

Имеются данные? Данные имеются? Имеются, пустынный мертвоед тебя подери, данные? Он что, шутит так? Я танцую без малого двадцать лет! Ни одной технической ошибки не допустила!

– Данные имеются? – повторила, задыхаясь от возмущения. – Все было идеально!

– Верно. В том и проблема.

– Я вас не понимаю.

– В твоём техничном исполнении не хватает чувственности.

Я уперла руки в бока и возмутилась:

– Это балет, а не сальса, здесь не нужна чувственность!

– Первый танец Джорджианы и Луиса.

Я встала в четвертую позицию и вытянула вперед руки, к Луису в лице фета постановщика. Его лицо мгновенно преобразилось. Мужчина вошел в роль и посмотрел на меня так, что захотелось, если не трусы снять, то на ручки ему забраться точно. В его взгляде было столько всего, что даже танцевать не требовалось, я и так все понимала.

Мы станцевали всего три восьмерки. Сильная ладонь, намеренно или нет соскользнула с моей талии и коснулась местечка пониже, после поворота он прижал меня слишком близко, так близко, что подними я голову – и наши губы соприкоснутся, и я уже молчу про совсем не невинное касание бедрами, когда по рисунку танца он обнял меня со спины. По моей коже словно электрический разряд пробежал. Дыхание сбилось, сердце пустилось в бешеную пляску.

– Все, достаточно, – бесцветным голосом отрезал он. Двери в зал распахнулись и на пороге замерли танцоры. А мы тут стоим в центре зала, обнимаемся и смотрим на них. Балетмейстер уверенно и даже высокомерно, я – испуганно.

– Ну? Чего ждем, как мохноухи рысокости? Проходим, переодеваемся, разогреваемся.

Танцоры живо подобрали отпавшие челюсти – не каждый день их постановщик танцует, да еще и с незнакомкой, и молча прошли внутрь.

– Слушай, Ландрин, – как ни в чем не бывало, мужчина отошел на шаг и произнес негромко. – Без чувственности твой танец – просто набор движений под музыку. Ты должна взмахом руки заставить мое сердце биться чаще, поворотом головы – захотеть тебя, движением ноги заставить бояться. Я должен чувствовать с первого твоего шага и до момента, когда кончик твоей пачки скроется за кулисами. Сейчас я вижу невероятно техничное исполнение, которому позавидует любой робот.

Стиснула зубы, глотая обиду. Я ведь столько работала! Мне выпала почти невозможная удача – пробы, и так все запороть! У меня нет чувственности? Где же мне ее найти?

– Я не вижу прогресса.

Стоп. Что значит не видит?

– Вы знали? – осенило меня. Иногда мне и правда казалось, что кто-то наблюдает, но я никого не видела и списывала на страх вылететь с должности.

– Конечно знал. Но балетом нельзя заниматься чуть-чуть и уж тем более он не терпит внимания два раза в неделю. Им нужно жить.

– Если бы у меня была такая возможность, – мечтательно вздохнула и покосилась на очередную пару танцоров.

– У тебя есть парень?

Поджала губы. Счастье, что никто не слышал, о чем мы разговариваем, хотя все смотрели на нас. Еще бы. Незнакомка и постановщик! Интриги, скандалы, расследования!

– Был, да сплыл.

Максимилиан усмехнулся и тут уж я не выдержала:

– Находите это смешным? Разбитое сердце – это смешно? – уперла руки в бока.

– Нахожу это закономерным. Тебя не хочется трахнуть.

Вот уже второй мужчина мне об этом говорит! Да еще и так прямолинейно. Впрочем, третий, если считать Таххира. Но тот не сказал, тот наглядно продемонстрировал. Однако с какой стати я должна заботиться о чьей-то эрекции?

– Ну знаете! Весьма этому рада! Я не шлюха, чтобы всем меня хотелось. И не анник!

– Чему же здесь радоваться? Женщина создана, чтобы возбуждать мужчину. Пробуждать в нем эмоции!

– Да что вы говорите?

– Жалость, конечно, тоже эмоция... – многозначительно протянул он, подходя ближе, совсем вплотную. Я отступила на шаг и уперлась спиной в деревянную балку станка. Он коснулся моей щеки тыльной стороной ладони. Замерла, словно загнанный в ловушку мохноух перед прыжком хищной рыскоты. Когда мужчина, невзначай или нарочито, коснулся меня бедрами, залилась краской по самую макушку. Кажется, даже волосы порыжели от смущения и негодования.

– Если я вас коленкой в пах ударю, это будет достаточно чувственно? – прорычала, когда уже стало невмоготу.

– Ударь, – согласился он, широко улыбаясь. Вот какой интерес, если разрешают?

– Не стану я вас бить, вы же не будете меня насиловать! Тем более в присутствии трупы!

– Интересный ты экземпляр! – после недолгого молчания резюмировал мужчина и отступил на шаг назад. – Напоминаешь мне пружину, сжатую до предела. Сжатие, – он сложил пальцы в кулак и стиснул до побелевших костяшек, – это всегда приложение энергии. Тоже своего рода чувственность. Только у тебя она направлена внутрь, на поддержание каких-то глупых барьеров и принципов. Отпусти ты эту энергию и тогда, возможно, что-то получится.

Он резко разжал пальцы, я даже моргнула от неожиданности. Перевела взгляд на постановщика и возразила:

– Но балет требует дисциплинированности и жестких рамок...

– Этого требует не балет, а техника! – перебил он. – С техникой у тебя все в порядке. Ты хороший исполнитель. Но, чтобы стать танцором, одной техники мало. Зал свободен для тренировок с шести утра до семи и с одиннадцати вечера до полуночи. Можешь приходить и тренироваться с остальными. Через неделю жду с тем же номером здесь.

– Вы... – я открыла рот. Слова благодарности попросту застряли – такими большими были.

– Я! – согласился он. – В центр зала.

Я оглянулась, но рядом с нами никого не было.

– Вы это мне?

– Проблемы со слухом, Аллевойская? В центр зала.

Я вышла, к немалому удивлению присутствующих.

– Первый танец Джорджианы и Луиса. Роки.

Ко мне подошел высокий худощавый блондин в обтягивающем купальнике и лосинах, тонкий, словно тростник и высокий, словно небоскреб. Заиграла музыка, мы повторили танец, который до этого танцевали с Максимилианом. В этот раз прежней уверенности не было, все же партнер не такой опытный, хотя и видно, что профессионал. Я старалась думать о той самой чувственности, которой в моем исполнении нет, но вместо нее мое лицо перекосила какая-то жуткая гримаса, а движения, кажется, стали еще более скованными.

Когда мои ноги снова коснулись пола, балетмейстер окинул взглядом танцоров, напряженно наблюдавших за исполнением. Они, равно как и я, не понимали, что происходит.

– Видите, что бывает, когда танцуешь только телом?

Одна из девушек – солистка в постановке, я знала ее по репетициям, за которыми тайком иногда подсматривала – смахнула с лица напряжение и нервно улыбнулась. Все же, я исполнила ее партию... Девушка расправила плечи, подняла голову, на которой блестели идеально зализанные и собранные в култышку черные волосы и картинно усмехнулась.

– На твоём месте, Сандра, я бы не улыбался так довольным. В центр зала. Ронд де жамп партер, соте и фуэте. Начали. И раз, два, три...

Я грустно вздохнула и под неодобрительные взгляды пошла в сторону лавочки, где лежали мои вещи.

– Вы только посмотрите на нее, – усмехнулась Сандра, когда я проходила мимо. – Возомнила себя золушкой, пустышка?

– Стоп.

Музыка стихла, танцоры остановились и уставились на фета Ронхарского. Из-за меня? Так я быстренько, тенью скользну...

– Аллевоиская, я что-то непонятно объясняю?

Разогнулась. Похлопала глазами. Он что, галюн-травы объелся? Или я ее объелась и сейчас у меня острый приступ галлюцинации?

– Ронд де жамп партер, соте, фуэте. Что-то не ясно? – повторил он.

Дважды просить не пришлось. Яснее ясного!

Моя сумка с грохотом шмякнулась на лавку. Секунда и я уже в последней линейке, рядом с подтянутой блондинкой вливаюсь в разминку. Неважно, что через час мне нужно быть в больнице, плевать! Отправлю ТМС-ку своей подруге, она там заведует младшим медицинским персоналом, прикроет. Не каждый день выдается шанс позаниматься с таким великим постановщиком, как фет Ронхарский!

Пот тек с меня в три ручья, пальцы болезненно ныли и кровоточили. Не нужно развязывать пуанты, чтобы это понять. Каждое движение, исполняемое легко и с улыбкой, давалось кровью. Я парила над полом, кружилась и танцевала наравне с остальными. Если и уступала в чем-то, то только Сандре, да и незначительно. Ногу она вскидывала легче и выше, движения ее были воздушней, исполнение – чувственней. Именно глядя на нее, поняла, что имел в виду Максимилиан. Но как мне обрести эту внутреннюю свободу? Заставить расцвести внутреннюю искру бутонами фейерверков?

Под конец тренировки ноги подрагивали. Давно я не загружала себя по полной.

Вслед за остальными я направилась за одеждой, но фет Ронхарский подозвал к себе. Стоило полагать, меня не примут с распростертыми объятиями, но чтобы все настолько плохо! Сандра исподтишка поставила мне подножку. Споткнувшись, я бы растеклась по полу слизняком, но рядом оказался Роки, который вовремя подхватил.

– Вот что бывает, когда берут кого попало! Ты же на ногах едва стоишь! Немудрено на фуэте ногу подвернешь, а потом мы виноваты!

Важно задрать голову, она взяла с лавки свой рюкзак и, пихнув меня плечом, отправилась к душевым. В гордом одиночестве. Не удивительно, что с таким характером никто не захотел составить ей компанию.

– Не обращай внимания. Конкуренцию почувствовала, вот и бесится. Ее можно понять, – хмыкнул Роки.

Интересно, где только успел загореть? Его кожа почти бронзовая – крайне редкий цвет для наших мест. Либо живет на последних этажах и имеет доступ к солнцу в любое время, либо тратит огромные деньги на искусственное!

Я привыкла к взглядам свысока и подлостям, потому выходка прима-балерины вызвала лишь скептическую ухмылку. Ну и чувство собственной важности в левой пятке зачесалось. Не станут третировать того, кого не боятся. А меня – пустышку-самоучку, получившую неплохую школу в детстве она испугалась.

– Если станет приглашать на ужин, – Роки понизил голос и кивнул в сторону постановщика, чей взгляд буквально ввинчивался мне между лопаток, спиной чувствовала! – соглашайся. Это кастинг.

– Кастинг?

Парень приподнял бровь.

– Все примы проходят через это. Сандра тоже прошла, но они с Максом что-то не поделили. Вроде как у нее парень появился и... В общем, сама понимаешь. Такой шанс не каждый день выпадает!

– Спасибо. Наверное, – добавила неуверенно и к постановщику уже подходила без бывшего энтузиазма.

– Вливаешься в коллектив? – небрежно бросил фет Ронхарский.

– А следует?

– Есть в тебе что-то, – скользнув по мне взглядом, заключил он. – Завтра в семь.

– Завтра в семь?

– Ужин. В Рэдкайле. Не опаздывай, иначе буду считать это отказом.

Подхватил с лавки олимпийку и вышел из зала, а я осталась в толпе незнакомых людей, которым не нравилась, с кучей невероятных эмоций и повисшим вопросом: ужин в Рэдкайле? Он вообще серьезно? Меня же туда не пустят! А, если и пустят пустышку, то у меня платья подходящего нет! Стоп. Я что, правда пойду на ужин с незнакомым мужчиной? А что, если он меня... Ладно, я не маленькая девочка. Не уложит же он меня поперек стола, чтобы взять силой. В его распоряжении вся труппа крупнейшего театра оперы и балета девятого дистрикта, лучше танцоры, красивейшие женщины, одна Сандра чего стоит, а тут какая-то я. Да еще и без искры! Хотя слова Роки заставили сомневаться. Ладно, главное прийти, а там будем смотреть по обстоятельствам. Не каждый день пустышке выпадает шанс подняться с земли хотя бы на средний уровень.

Именно туда я и смотрела, когда, зябко передергивая плечами, шла до подземки. Средний уровень! Под ногами чавкал вчерашний дождь, а там, наверху, любая погода в радость. Прежде мы с родителями жили на среднем уровне, летали на воларах, наслаждались относительно свежим воздухом, никакой грязи, никаких забот. Разве что птицы грозными камнями в период брачных игр бомбардировали стекла, но когда мы поставили птиценепробиваемые и этой проблемы не стало. Там наверху правда проще и шанс, который мне выпал, следует использовать. Там можно увидеть кроны гигантских деревьев и их зелень, а не только корни, как внизу. Конечно, на домашних огородах выращиваются карликовые деревца по метру-полтора, но разве они сравнятся с настоящими двухсотметровыми великанами? Одно из таких как раз растет рядом с больницей, напротив Аклуа Плейз, где меня ждет не дождется фет Хартман. Ох, простите, фетрой!

Трен за двадцать минут домчал до первого района – центра девятого дистрикта, и я выползла наружу в безликой толпе пустышек, таких же как я, похожих друг на друга. Между нами одна разница: я не плачу налог в виде обязательной сдачи ста единиц телепатической

энергии, потому что во мне искра есть. Теоретически. Любой прибор это покажет. Вот только невозможность ее раскрыть приравнивается к ее отсутствию.

Я замерла возле лечебной высотки. Вверх уходят пятьдесят этажей, готовых принять больных с самыми разными проблемами и патологиями, от обычных физических до всевозможных магических. Наверное мне невероятно повезло, поскольку удалось устроиться на пятидесятый этаж – к богатым больным. Конечно, говно у них не розами пахнет и оно точно такое же, как у бедных, но платят за его уборку в разы больше. За такие деньги я и горшок вынесу, и уши развешу, ведь очень часто у нас лежат богатые старики, ставшие ненужными своим детям и им банально не с кем поговорить...

Через дорогу от больницы, светлой, словно хрустальной, стояла вбитая в землю Аклуа Плейз. Контраст неопиcуемый. Там, за черным тонированным стеклом кипела жизнь самых богатых, обеспеченных и высокородных жителей девятого дистрикта. Там решались судьбы, заключались важнейшие договора, там находился залог благополучного существования всех жителей и залог нашей безопасности – семейство Хартманов. Я поежилась, глядя на хищный взгляд припаркованных возле здания воларов. Конечно, большая часть из них стоит на подземной парковке, некоторые – на крыше, но часть, словно красуясь, выставлена напоказ перед парадными дверями. Из тонированных створок лениво выползали мужчины в безумно дорогих костюмах и женщины, одетые с иголки. Молодые, богатые, все лоснятся и сияют.

Сейчас мне чудилось, словно из этого хищного, пропахшего властью, опасностью и какой-то первобытной мощью здания на меня смотрит он – Харви, чтоб ему... Венероликый! Мужчина, полагающий, будто достаточно обронить небрежное приглашение, и я прибегу, сломя голову. Взгляд стал физически осязаемым, и я поспешила юркнуть в стеклянный лифт, чтобы взлететь на пятидесятый этаж. Конечно никто на меня на самом деле не смотрел. Уверена, Хартман не опускается ниже сорогата этажа, если вообще знает о существовании того, что ниже линии воображаемого фарватера. Но впечатление на меня, как оказалось, он произвел неизгладимое.

Звякнул лифт, напоминая, чтобы я покинула его уютные закрома и двинулась выполнять непосредственные обязанности. И без того на полтора часа опоздала. Если меня не уволят – будет чудо! Впрочем, если уволят, я долго убиваться не стану. Не каждый день получается станцевать у фета Ронхарского. Да что там, не каждый день можно станцевать с ним!

– Опоздала! – повинулась, скидывая с себя кофту и прямо так, комком бросая в шкафчик.

Лоби, скрестив руки на груди, откинулась на спинку кожаного кресла. Здесь, в комнате младшего медицинского персонала кудрявая блондинка была королевой, поскольку в большей степени именно от нее зависело, кто останется работать, а кто вылетит. У нее слабая лечебная искорка, но хорошее образование, потому Лоби выбила себе непыльную денежную работенку ближе к специальности. Или просто я удачу привлекла, потому что, при нашем знакомстве искры у нее вроде как не было – разглядеть не могли. Мы вместе мыли посуду в одной маленькой забегаловке. Через неделю Лоби огорошила меня новостью, что у нее открылась лечебная искра, и она поступает на факультет медицинского менеджмента. Так я потеряла связь со многими друзьями. У всех открывались искры, находились таланты и устраивалась жизнь. У всех, кроме меня.

С другой стороны, Лоби считала меня своим хвостиком манула – символом удачи, потому помогла получить денежную работу и вовремя закрывала глаза на подобные выходки.

– Надеюсь, причина стоящая?

– Более чем! – я быстро застегивала пуговицы на серебристом халате с антимикробным покрытием и обернулась в поисках таких же перчаток. – Я танцевала!

– Понятно, – она кивнула на край своего стола и вернулась к планшету, на котором строила очередной отчет и отвечала на сообщения пациентов. – Отработаешь тогда. Останешься сегодня на час дольше.

– Да не проблема! – схватила перчатки и, медленно натягивая, прожигала светящимся взглядом девушку.

– Ладно, Аллевойская, выкладывай. Что там за танцульки?

– Максимилиан Ронхарский! – сообщила триумфальным шепотом и от восторга даже рассмеялась. Далекой от творчества подруге имя ровным счетом ничего не сказало. Вот, если бы Максимилиан открыл новый грибок или штамм вируса, она бы им восхищалась, а так... никак.

– Красив, богат или все и сразу?

– Невероятно талантлив! – возмутилась я. – Хотя, конечно, он такой мужчина! Просто обалденный мужчина!

Лоби одобрительно подняла брови и кивнула, мол, другой разговор!

– Обалденный мужчина ждет тебя в двадцать пятой палате. И он, судя по запаху, обделался, – строго заявила Марта – моя коллега. В отличие от меня, пачкать руки о человеческие испражнения, наша принцесса не любила, я же ничем не брезговала, потому пожала плечами и отправилась на разведку в поисках обещанного счастья.

Как в итоге оказалось, не сильно ошиблась наша жгучая двухметровая кудряшка-вредина!

Я подхватила тележку с необходимостями для ликвидации клиентских неожиданностей и, мечтая о сытном обеде, поехала в сторону двадцать пятой палаты. Из-за незапланированной репетиции не только на работу опоздала, но и не успела заскочить в Нэсти Опкинс – сеть ресторанчиков быстрого питания, где подают преимущественно булочки из картофельного хлеба, набитые всякими сублимированными начинками: мясом, овощами, фруктами. Все время менторским тоном говорю Альби и Тану, что это вредно, а сама уплетаю за обе щеки, потому что времени остановиться и нормально пообедать у меня не бывает.

– Я обделался, – громко заявил фет Сайонелл. Так, чтобы у меня не осталось сомнений, кто из двоих лежащих в палате мужчин является источником запаха. Судя по тому, что пациент с левой кровати ходил самопроизвольно в специальные пакеты, поскольку уже три недели лежал без движения, фет Сайонелл оказался прав.

– Мы это быстро исправим, – я достала одноразовые пеленки. – Давайте начистоту. Мы с вами пока не знакомы, а карту я прочитать не успела. Двигаться можете?

Старичок поднял руки, ноги, а затем обворожительно улыбнулся и пояснил:

– Болезнь Торкинсона. Потеря чувствительности при сохранении двигательной активности. Мне противопоказано ходить, потому что могу не рассчитать силу нажима и сломать ноги. Представляете, как уникален наш мир, что придумал такое?

У меня было иное слово. Не уникален, а жесток. Передо мной симпатичный старик, на вид всего лет девяносто, может чуть больше. Такие только выходят на заслуженную пенсию и начинают жить: путешествовать, заниматься садом и спортом, иногда уезжают на плантации, чтобы быть поближе к природе, переселяются в зеленый дистрикт... Но передо мной и измученный жизнью, поседевший человек, чье лицо покрыто желтоватыми пятнами, чьи костяшки пальцев размером с виноградину, и который постоянно испытывает боль. Пластырь с обезболивающим, который реагирует на уровень боли и автоматически впрыскивает в кровь препарат, тому доказательство. Хуже всего, что болезнь ласково тебя убивает, поднимаясь снизу вверх. Сначала теряется чувствительность пальцев, стопы, голени и так далее. Затем перестаешь чувствовать, что сходил в туалет, но ходишь исправно. Смерть наступает неожиданно, когда бесчувственность касается головного мозга. Болезнь Торкинсона называют улыбчивым убийцей, потому что при последнем выдохе губы больного непроизвольно растягиваются. Увы,

но лекарство так и не открыто, а искристые способны лишь облегчить проявление симптомов и продлить жизнь таких пациентов. Именно этим мы здесь и занимаемся: продлеваем жизнь наших подопечных и стараемся сделать ее чуточку лучше.

– Мне кажется, что наш мир жесток, фет Сайонелл. Раз в нем существуют болезни, подобные вашей.

– Я хотя бы могу поговорить с хорошенькое девушкой. В отличие от него, – он посмотрел на соседа. Сосед смотрел на потолок. Три последних недели.

– Давайте так. Вы остороженько повернетесь на бочок, а я все сделаю, ага?

– Или вы можете проводить меня до ванной комнаты, убедившись, что я не переломаюсь по дороге. Это будет почти свидание!

Отказать такому мужчине не представлялось возможным! Он подкупил меня с первого взгляда. Веселый, обаятельный, негнибачный. Знает, что ему осталось жить от силы недели полторы, тем не менее, не унывает. Нельзя привязываться к пациентам, но васильковые глаза фета Сайонелла уже запали мне в душу. Вот как-то так сразу! Необъяснимо!

Я помогла мужчине опереться о меня и довела до ванной комнаты, расположенной прямо в комфортабельных апартаментах.

– Любите погорячей? – поинтересовалась, настраивая воду.

– Я уже не в том возрасте, дорогая, – пошутил он. – Как тебя зовут?

– Ландрин. Можно просто Ланни.

Помогла ему устроиться на биде, сконструированном как раз для помывки таких вот больных и получила изумленный взгляд:

– Ландрин?

– А что вас удивило? – сделала теплую воду и принялась намыливать мочалку, но фет Сайонелл мотнул головой и попросил меня отвернуться.

– У вас редкое имя. Но ведь Ландрин – не полное, я прав? – произнес он после долгого молчания. Резко развернулась, наплевав на правила приличия, но фет уже закончил мыться и внимательно рассматривал меня.

– Мы знакомы?

– Исключительно по планшету.

Я расслабилась. Действительно. Все пациенты, при заказе услуг, могут зайти в раздел обслуживающего персонала и посмотреть общую информацию обо всех, кто имеет доступ к их... Скажем так, трудам жизнедеятельности.

– Ландрин Флер Аллевойская, – он поднялся и, опершись на мое плечо одной рукой, дошел до раковины, вымыл руки. – Поможете мне одеться для прогулки? У меня к вам деловое предложение.

– Деловое предложение? – я улыбнулась, полагая, что бабушка несколько не в себе. Тем не менее, как учила Лоби, если у кого-то из пациентов едет крыша – со всем соглашаемся и нажимаем красную кнопку во внутреннем кармане халата. Нажимать на красную кнопку я не спешила, но улыбаться и соглашаться начала.

Я заправила фету Сайонеллу новый комплект постельного белья, пригнала прогулочное кресло, помогла переодеться и расположиться в передвижном устройстве. Не воляр, конечно, но тоже весьма комфортабельно и не требует сопровождающего, передвигается на телепатической энергии.

– Боюсь, что на прогулку у меня времени нет. Другие пациенты нуждаются в моем внимании, – мягко улыбнулась, глядя в васильковые глаза пациента. На нем теперь дорогой костюм стального цвета, еще больше подчеркивающий бледность некогда румяной кожи, но при этом обращающий внимание на статью, которую не способна пожрать даже немощь. Когда-то он был весьма завидным женихом и, должно быть, знатным великородным.

– Хорошо, если настаиваете – сразу к деловому предложению! – игриво хлопнув себя по коленкам, заявил он. – Мне осталось недолго. От силы дней десять. Я хочу, чтобы эти дни уход за мной осуществляли именно вы.

– Боюсь, это...

– Деньги не имеют значения, – отмахнулся мужчина. – Понимаю, что требуется утрясти какие-то формальности, поэтому объясните, как это делается.

– Обычно это никак не делается, – удивилась я, но ведь желание клиента – закон. Именно клиента, поскольку на пятидесятом этаже не крыло социальной клиники, здесь лишь платные пациенты. – Вам лучше связаться с Лоби... То есть, с фетой Мирианской. Этими вопросами занимается она.

Не теряя времени, фет Сайонелл дотянулся до планшета и произнес:

– Фета Мирианская.

Секунда, другая и на экране появилось лицо подруги.

– Фет Сайонелл? Что-то случилось? Вы недовольны работой персонала?

– Более чем доволен, потому хочу, чтобы ваша девочка сопровождала меня на прогулку.

– Боюсь, это невозможно. У Ландрин нет медицинского образования и лекарской искры. Она занимается работой, не требующей квалификации.

– Тем не менее, меня она полностью устраивает. Если вы хотите получать мои анники до самой смерти, моей, разумеется, не вашей, советую сделать невозможное возможным.

Я не смогла удержаться от улыбки и тайком показала Лоби поднятый кверху большой палец. Если бы каждый пациент был похож на фета Сайонелла, моя работа превратилась бы в сплошное удовольствие. Несмотря на обилие говна. В прямом, а не метафорическом смысле.

– В таком случае придется подписать отказ от нашей ответственности и понимание вами рисков, – она прикрыла глаза, составляя телепатический договор, который через несколько мгновений появился на экране планшета. Фет Сайонелл пробежался взглядом по тексту, открепил от корпуса стилус, поставил размашистую подпись, подтвердил ее отпечатком пальца.

– Фету Аллевойскую следует освободить от другой работы. До своей смерти я хочу, чтобы моей сиделкой была она, и подпишу все необходимые документы.

Лоби удивленно вскинула брови, но пожала плечами и согласилась. И дело даже не в деньгах. Дело в том, что навредить умирающему я все равно не в состоянии, а у богатых при смерти всякие бывают причуды.

Когда монитор планшета погас, фет Сайонелл довольно улыбнулся и потер руки, поворачиваясь ко мне:

– Итак, Александрин. Надеюсь, вы голодны?

– Прямо мысли мои читаете! – живот громким звуком возвестил, что для этого не надо быть телепатом. – Не успела сегодня пообедать.

– Это замечательно! Идемте на крышу, там замечательный ресторанчик, где подают морских гадов! А еще мне хочется чего-нибудь очень вредного. Например, картошки, жареной в масле! Как вы на это смотрите?

Голодным взглядом и с текущей до пола слюной, вот как я на это смотрю! Живот утробным воем подтвердил мои мысли, смутив меня окончательно.

– Будем считать это положительным ответом. Идемте!

Один нюансик – у меня анников не хватит, чтобы расплатиться за обед на крыше. Все, что я могу себе позволить в том месте для великородных – выпить стакан воды и посидеть понюхать, чем пахнут блюда.

– Только избавьтесь от своего халата, – донеслось уже из коридора. Я бросила грязное постельное белье в корзину и толкнула тележку вперед, даже не подозревая, какие перемены готовит для меня жизнь!

Через четверть часа мы сидели в ресторане под открытым куполом, что раскинулся высоко над нами тонкой сиреневой пленкой. Сиреневый – первый уровень опасности. Всего уровней десять и десятый, в принципе, означает, что можно никуда уже не бежать. Просто расслабиться и ждать, когда тебя накроет ядерным ветром. Можно даже вдохнуть поглубже. Ну, чтоб накрыло быстрее. Хотя и это особо ни на что не повлияет. Накроет и начнутся изменения, необратимые, ужасные...

Ядерная война произошла в 2535 году. Вроде как к нашему дню от радиации не должно было остаться и следа, но, учитывая смещение планеты относительно других планет и кучу всякой непонятной ерунды, которую нам пытались объяснить в университете, никуда радиация не делась. Она трансформировалась в нечто более опасное, из-за чего жизнь за пределами купола невозможна. Точнее, разумная жизнь за его пределами невозможна. Находились смельчаки, что считали иначе. Идиотов всегда хватает. Толпы измененных бродят там, по бесконечным пескам, кто на четвереньках, кто на двух ногах, едят друг друга, брызгают слюной на дохлогрызок и пустынных мертвоедов, соревнуются с ними за лучшие куски падали. То уже не люди...

Сиреневый цвет означал, что где-то поблизости кружат аркхи. Конечно, через купол в центре города им пробраться не светит. Вообще ни при каком раскладе. Вот где-то на окраине, в самом низу чисто теоретически они дырочку прогрызть могут, там телепатический слой наиболее уязвим, но при нарушении целостности купола срабатывает тревога и не позавидую я тому аркху... Это как засунуть голову в мышеловку, она тебе ее придавит и сидеть ждать, вдруг кто придет и достанет тебя, чтобы потом всю жизнь любить, холить и лелеять. Нет. Ликвидаторы и служба контроля взмывают в воздух по сигналу боевой тревоги и в среднем за одну-две минуты находят и уничтожают тварь. С молодыми справляются сами. Если же твари лет пятьдесят-шестьдесят, вызывают Хартманов и эвакуируют район. С такими только великородные справятся.

Великородные...

Я смотрела на черные стекла высотки напротив. Туда, где теоретически ждет и не дождется мужчина, чьи глаза цвета пепельно-сизого тумана никак не желали уходить из памяти. Хотелось думать, что это из-за его положения и надменного тона с гарцаном в голосе. Все же не каждый день правящего встречаешь, но сдается мне, где-то здесь пустынный мертвоед сдох, потому что аркха с два я кому позволю собой так бесцеремонно командовать, а ему позволила! Или не позволила? Ланни, соберись, у тебя мысли похожи на пещеры для тренгов. Такие же темные, запутанные и бессвязные! Выкинь его из головы! Желательно с пятидесятого этажа!

Когда я представила, как вниз с истошным воплем летит прекрасное тело Харви Хартмана, сразу полегчало. Потом вспомнила, что он вообще-то мне жизнь спас... Тело вернулось обратно, я зашвырнула его на самый верх Аклуа Плейз, туда, где темное стекло вспарывает небо и теряется за облаками, впиваясь в купол. Все. Отвернулась. Точка.

– О чем думаешь, Александрин? – сложив руки в замок возле губ, поинтересовался Оуэн Голд.

Да, мой пациент тоже оказался родом из пятого дистрикта, где давать двойные имена в порядке вещей. А еще в почти естественных лучах солнца мне удалось лучше его разглядеть. Несмотря на смытый старостью контур лица, все в нем выдавало представителя древней арийской расы. В отличие от моей славянской мягкости, его лицо было резко очерченным: прямой узкий нос, худые губы, выделяющиеся скулы. Сейчас, на фоне болезни они и лобовые кости выделялись особо остро, были почти обтянуты сухой морщинистой кожей. Мне хотелось провести пальцами по его лицу и чтобы магия сотворила чудо. Чтобы сухой пергамент превратился в тонкую и мягкую, словно кожура персика, кожу. Альби как-то вырастила карликовое персиковое дерево. Плодоносило оно всего три раза, но какие были плоды! Не передать... Увы. Искры омоложения у меня нет, а искристые, что ею обладают, берут невероятно много анников

за помощь. К тому же, нельзя омолодить больше, чем на пять-шесть лет. И то это действует лишь на внешность. Жить дольше ста семидесяти все равно никому не удастся. Даже Хартманам.

– О том, как все же несправедлива жизнь.

– Не стоит думать, будто тебе известно больше, чем ей, – хитро прищурился он, лениво разглядывая в планшете картинку блюд. – Порой она умеет удивлять.

– Это точно, – некстати вспомнился вчерашний день и ответ прозвучал довольно кисло.

– Давай закажем, и ты мне поведаешь удивительную историю!

– Какую?

– Своей жизни!

– Фет Сайонелл, – я замолчала, подбирая слова, чтобы не обидеть собеседника. – Не поймите неправильно, мне приятно ваше общество, но...

Он понимающе улыбнулся и кивнул:

– Почему старик, что одной ногой в урне с прахом, к вам пристаёт? Хорошо. Я начну первым. Но сначала, – он кивнул на планшет, но я решительно отодвинула его в сторону.

– Извините, мне не по карману это место.

Мужчина не стал ни в чем меня убеждать. Быстро пощелкал пальцами на разных картинках, посмотрел на меня, снова в планшет и, сделав заказ, погасил экран, отодвинул телепатогаджет в сторону и произнес:

– Когда-то, Александрин, у меня было все, чего только может желать великородный.

Сказал и замолчал. Так и знала, что он великородный. То есть из семьи, чьи предки – каждый – обладали мощной искрой. Это тебе не какой-то искристый, в чьей родословной разве что аркх не потоптался. Никаких пустышек, только сила.

И было что-то удивительное в том, как по-особенному фет Сайонелл произносил мое полное имя. Именно так меня всегда звал отец, с той же интонацией и с той же рычащей «р» – особенность диалекта пятого дистрикта.

– Здоровье, сила, деньги, положение в обществе, жена, сын и множество недвижимости, в том числе под самым куполом! Вид оттуда, – он на секунду прикрыл глаза, погружаясь в те времена. Открыв глаза, уныло посмотрел вокруг. В отличие от меня, крайне редко наслаждавшейся подобными видами, они его не прельщали. – Не чета этому безобразию.

Я же жадно смотрела по сторонам на безобразии, радуясь, что не стала разбирать культушку. Ветер здесь, несмотря на заградительные телепатические барьеры, гулял знатный. Больше всего меня привлекали две вещи: Аклуа Плейз с ощущением хищного взгляда оттуда, вперившегося мне между лопаток и трехсотлетнее дерево «Джози». Оно растет совсем рядом с больницей и, если немного поднять голову, можно насладиться его серебристо-сизыми листьями, которые едва слышно шелестят на ветру и затеняют террасу с рестораном, скрывая от палящих солнечных лучей.

– Но, как я уже говорил, жизнь умеет удивлять! Я потерял сына, внуков, жену. Впоследствии положение в обществе, силы, а сейчас и здоровье. Все богатства мира оказались не способны удержать то, что я имел. Все, что у меня осталось – деньги. Но они не способны сделать человека счастливым. Я осознал одну неприятную вещь, Александрин. Если богатство не с кем разделить, оно превращается в грудку бесполезной бумаги. В бессмысленный металл. В набор цифр, которые обретают смысл лишь тогда, когда вызывают восторг или удивление в глазах тех, кто рядом.

К нам с важным видом подошел официант, ловко одной рукой снял с подноса бутылку вина, два бокала, вазу с ягодами. Бутылку держал, словно святейшую реликвию.

– Дальше я сам. Спасибо, – Оуэн Голд отослал официанта и открыл вино. Ловко, играючи. Словно для него это привычное дело. Пожалуй, так оно и было. Разлил напиток по бокалам и посмотрел на меня. Я же смотрела на этикетку. «Резан нуар». Очень-очень медленно

моргнула. Перевела взгляд на собеседника. Наверное вид у меня в этот момент был ну очень потрясенный, потому что мужчина рассмеялся.

– Фет Сайонелл, вы, блин, что, миллионер? – вымолвила обалдело.

Этой бутылке не меньше двух сотен лет! Она стоит тысяч двести анников, если не триста! Это же... это... это такая куча денег, что мне сложно представить, как она выглядит, если их собрать вместе!

– Вот об этом я и говорил! В такие моменты начинаешь ценить богатство. Как еще я мог увидеть на вашем лице такое выражение?

– Я не стану это пить, – решительно отодвинула бокал с черно-рубиновой жидкостью, источавшей умопомрачительный аромат.

В винах я разбираюсь исключительно по той причине, что работаю в ночном клубе и во многих ресторанах. А там, так или иначе, подают алкоголь и обсуждают алкоголь. Так вот бутылку за десять тысяч, которую Таххир распивал со своей дохлогрызкой, с Резан нуар даже сравнивать кощунство!

– Тогда вы оскорбите умирающего старика.

И ведь ни капли совести у него нет! Знает, за какую ниточку потянуть! Разумеется, я придвинула пузатый бокал на длинной прямой ножке. Коснулась губами узкого горлышка. Сначала почувствовала аромат. Терпкий, пленительный, со сладкой ноткой. Сделала небольшой глоток, посмаковала, проглотила, выдохнула ртом, чтобы ощутить букет и закрыла от удовольствия глаза.

– Стоит своих денег, не правда ли?

– Не правда, – открыла глаза и отставила угощение. – Триста тысяч за бутылку – это бешеные деньги.

– Я человек, которому не так долго осталось на этой земле. Унести деньги с собой я не смогу. Почему бы их не потратить?

– Зачем тогда вы легли в больницу? Почему не наняли частную сиделку? Или не отправились в путешествие по дистриктам?

Мужчина подцепил шпажкой клубнику, обмакнул в шоколад и протянул мне. Отказать умирающему старику – преступление, а потому приняла и разве что со шпажкой не проглотила! А не запить такое удивительно вкусным вином невозможно.

– Я нанял частную сиделку, – он с удовольствием посмотрел на меня. – Я лег, чтобы найти вас, Александрин.

Хорошо, что я не успела сделать глоток. Бокал замер возле рта, а затем медленно вернулся на стол. Я рассматривала мужчину, силясь понять, могли ли мы прежде встречаться или быть хоть каким-то образом связаны, но нет. Ни единой ниточки между нами, кроме пятого дистрикта. Впрочем...

– Вы знаете моего отца?

– Знал, – согласился он. – Советую дождаться горячего. Вино может ударить в голову, если пить на голодный желудок.

Но мне при любом раскладе пить в ближайшее время не захочется и в голову уже ударило. Он мог знать, почему отец меня бросил. Бросил маму. Отец, который делал вид, что любит нас! Просто взял и одной ночью исчез, оставив маму в слезах, а нас – в растерянности. Она горевала месяц. Месяц не выходила из своей комнаты. Я, одиннадцатилетняя девочка ухаживала за Альби и Таном, убирала, готовила и дважды спасла маму от суицида. Как он мог бросить ту, что жизни без него не представляла? Что жила им, дышала им?

– Зачем вы искали меня? – голос сломался.

– Как я уже говорил, у меня никого не осталось. Все, что я имею – это память и деньги. Если позволите быть откровенным, я не очень хорошо обошелся с вашим отцом, но понял это, увы, когда оказалось непоправимо поздно.

Не вязался у меня образ Оуэна со злодеем. Впрочем, я была бы совсем не против, если бы он пару раз случайно или не совсем сбил моего папашу воларом. Или натравил на него пустынного мертвоеда. Или... Да много всяких вариантов и ни один не кажется мне достаточным, чтобы усмирить боль и обиду за неприятности и испытания, которые выпали по его вине на долю нашей семьи. Я уже не говорю о том, как гробила себя мама, чтобы прокормить троих детей. В моем мире, где каждая вторая бесплодна, наличие одного ребенка – радость, двоих – невероятная удача, а трое – это чудо. Так вот наша семья – чудо. А папаня начудил и смылся. Чародей аркхов!

– В отношении моего отца непоправимо поздно не бывает. Где бы он ни был, туда ему и дорога, – не удержалась и все же сделала на голодный желудок еще пару глотков вина. В голову действительно дало, и я с радостью приняла очередную ягоду в шоколаде.

– Понимаю. С вашей семьей он тоже обошелся дурно.

– Вам и это известно?

К счастью, бокал опустел, а добавить вина я постеснялась. Только это спасло меня от опрометчивого поступка, свойственного всем неуравновешенным девицам – напиваться вдрызг из-за неприятностей.

– Вижу, эта тема вам неприятна, – нахмурился он, коснувшись худыми пальцами губ.

– Неприятно мне было еще лет пять назад. Сейчас мне глубоко насрать. Уж прошу прощения за полное откровение.

– Для той, кому, как вы выражаетесь, глубоко насрать, вы слишком эмоционально выражаетесь, – он подался вперед и робко улыбнулся. – Александрин, я не хотел обидеть вас или заставить грустить. Мне хочется провести последние дни с вами, чтобы искупить вину перед вашим отцом. Если это вообще возможно.

– Вы верите в искупление? В то, что это необходимо?

– А у меня есть выбор? Мы все рано или поздно приходим к необходимости верить во что-то или в кого-то.

А ведь я совсем недавно, вот буквально вчера в Бога поверила, но делиться этой новостью не спешила.

– Поэтому я искал вас и рад, что нашел. Теперь, когда вы знаете мотивы, что мною движут – вполне эгоистичные, как вы сами понимаете, согласитесь ли быть моей сиделкой все время, что мне отпущено? Вы интересная, умная женщина, очень откровенная и непосредственная. Это подкупает. Мне легко с вами.

– Мне тоже нравится ваша компания, фет Сайонелл.

– Зовите меня по имени.

– Хорошо, но я при всем желании не могу принять ваше предложение. У меня пять работ с плавающим графиком, которым я пытаюсь жонглировать, как тот мужик в цирке. Только иногда еще и ноги подключать приходится, потому что рук на все не хватает.

– У вас недостаток в деньгах, я понимаю, – кивнул он. – Разумеется, ваши услуги будут оплачены должным образом.

Мне ли набивать себе цену? Проводить время в обществе интересного мужчины и получать за это деньги? Разумеется, при этом никакого интима. Даже, если кто-то из нас двоих и захочет, все равно ничего не выйдет, ниже пояса чувствительности у него никакой, да и возраст уже тот, когда состояние не стояния. Вы шутите? От такого грех отказаться! А уж мелочи вроде лечебного массажа, мытья и смены памперсов для меня вообще никакой проблемы не представляют!

– В таком случае... – и тут я вспомнила про балет, про Хартманов, про брата и сестру.

– Есть что-то еще?

– Мы все же должны обсудить график и мои обязанности.

– Александрин, меня устроит любой график. Я бы хотел проводить в вашей компании любое время, которое у вас найдется.

Нахмурилась. Слишком неправдоподобно, но что-то внутри меня не позволяло ему отказать: необъяснимая симпатия или его скорая и неизбежная смерть? Если уволюсь ради десяти дней с других работ, потом долго не найду им замену. Потом. Мысль о смерти Оуэна неприятно кольнула и все сомнения отступили.

– Хорошо. Я согласна.

Только сейчас, когда дала ответ, заметила, как распрямылись его морщины и опустились плечи. Он опасался моего отказа. Я – какой-то странный шанс для этого мужчины исправить зло, причиненное человеку, которого я презираю, но который дал мне жизнь. Действительно, судьба удивительна!

– Фет, – заметив наиграно строгое выражение – мимика у него на удивление живая – я поправилась. – Оуэн. А мой отец...

Опустила взгляд на шелковую салфетку, которую расстелила поверх подола своего синтетического сарафанчика в крупный цветок. Стоит ли спрашивать? Хочу ли я узнать ответы? Возможно, лучше просто похоронить прошлое, вместе с его тайнами? С другой стороны, передо мной, возможно, единственный человек, который хоть что-то знает. Второго шанса не представится. Не в этой жизни.

– Мой отец, – повторила, собираясь с мыслями.

– Почему он вас оставил?

С облегчением вздохнула и подарила собеседнику взгляд, полный благодарности. Не думала, что будет так тяжело произнести это вслух.

– Вы знаете о своем деде? О родителях Антуана Георга?

– Мне было одиннадцать, когда отец нас бросил. Тогда казалось, что вся жизнь впереди. Я не думала ни о прошлом, ни о будущем. Жила беспечно, как у рыскоти под брюшком. Думала всегда так будет – тепло, мягко и безопасно, – откинулась на спинку кресла и глянула на хищную черноту Аклуа Плейз. – Тьма подкралась неожиданно. Когда я начала задавать вопросы, мама уже не хотела давать ответы. Вскоре я перестала интересоваться, а потом ее не стало и... Так что нет. О бабушке и дедушке мне известно лишь то, что ни я, ни Альби, ни Тан им не нужны и знать они нас не желают.

– Альбертина, Астанар и Александрин, – медленно, с присущим пятому дистрикту строгим рычащим акцентом повторил Оуэн Голд. Он знал полные имена нас всех. Должно быть и отца моего знал неплохо. – Ваш отец все время о вас говорил. Все время...

Вновь уставившись в пространство времени, задумчиво протянул собеседник. Затем он закрыл глаза, нахмурил лоб и вернулся ко мне:

– Возможно, вы не знали, но Антуан Георг из семьи великородных. К тому же, чистокровных арийцев.

Подавила желание раскрыть рот, но брови помимо воли поползли наверх. Великородный, да еще из чистокровной расы? В мире, где красный и желтый драконы перетра... эм, кровосмесили все народы и нации, добавив эпикантус почти всем прямоходящим – это, конечно, полный нонсенс! Точнее не так, это непостижимая редкость. Такое тщательно скрывают, чистота этого рода разве что не священна, а уж их силу я себе даже представить боюсь!

– Вы сейчас меня разыгрываете?

– Я бы не посмел. Только не в этом, – негромко произнес мужчина, и я поверила.

– Но... Мы жили довольно скромно. Конечно, у нас было все, но так живет любой искристый. Великородные живут совсем иначе!

– Верно. Потому что ваш отец скрывал свое происхождение. Не пользовался силой, которая выдала бы его.

– Но почему?

– Такова была воля его родителей. Антуан Георг был единственным сыном. И он предпочел чистоте рода брак со славянкой.

Я накрыла рот ладошкой и обомлела. Столько лет хаяла и ненавидела отца и даже мысли не допускала, что в этой истории мог потоптаться аркх! Единственный наследник чистокровных, великородный и бросил все ради искристой славянки! Тоже, кстати, чистокровной. Как ни крути, но мы с ребятами уже не чистокровные, в нас смешалась арийская и славянская кровь.

– Вижу, об этом вы не знали, – мотнула головой и потянулась к бокалу, но он оказался пуст. Фет Сайонелл наполнил другой мой бокал водой, которую я выпила тремя глотками. – Попросту говоря, ваш отец сбежал. Назвался другим именем, женился на вашей матери и подарил этому миру вас.

– Значит, Дарбелл – не настоящая его фамилия?

– Нет.

Аллевойская – фамилия матери. После того, как отец нас бросил, она посетила департамент данных о населении и сменила наши фамилии на свою девичью.

– Не понимаю. Если все так, почему же он тогда нас бросил?

– Потому что ваш дед не оставил ему другого выбора.

– Как это?

Фет Сайонелл поджал губы. Вероятно, рассказывать такие вещи ему не хотелось.

– Гонцам головы не рубят. Расскажите, прошу вас. Раз уж я прыгнула в бассейн к пираньям, так не хочу повторять этот опыт. Хочу узнать все и больше никогда к этому не возвращаться.

– Хорошо, – он тяжело вздохнул, переплел пальцы и наклонился ближе ко мне. – Его родители были крайне обеспокоены, что арийский род чистокровных прервется смертью Антуана Георга. Не так много чистокровных арийцев осталось на свете. Ваш дед надеялся, что сын одумается и вернется, но этого не происходило. Когда родилась Альбертина, он понял, что ждать бессмысленно. Пригрозил, что убьет Лэрину и вас всех, если Антуан не разорвет с вами связь и не вернется на родину, чтобы сочетаться браком с чистокровной арийкой.

Мне словно кинжал в сердце всадили, а глаза защипало от слез. Я накрыла рот ладонью, чтобы удержать эмоции и все, что вместе с ними прорывалось, при себе. Отец не отказывался от нас! Он нас не бросал! Его заставили.

– Вот аркх плешивый! Чтоб пустынные мертвоеды им побрезговали, а дохлогрызки глаза выели! – я с силой сжала кулаками шелковую салфетку, та опасно скрипнула, но уцелела.

Фет Сайонелл разнервничался, налил себе воды, едва не расплескав по скатерти и дрожащими руками поднес бокал к губам.

– Простите, Оуэн! Вам нельзя волноваться. Я... Извините, я буду держать себя в руках.

– Нет-нет, Александрин! – перебил он, поставив бокал на место и уже спокойнее вытирая губы салфеткой. – Ваша реакция вполне понятна. И закономерна. Не переживайте, жизнь вашего деда наказала сполна. У Антуана Георга были еще дети, но он и вся его семья погибла в воларокатастрофе. Пьяный подросток угнал волар и решил, что справится с управлением... При жизни Антуан хотел связаться с вами. Написать, объяснить, но его родители были непреклонны и над вами постоянно висел меч возможной расправы.

– А я всю жизнь винила отца, в том, что с нами произошло! Знаете, в последний год мы время от времени получали денежные переводы. Небольшие суммы, но как раз в нужный момент! Когда больше всего нуждались. Отправитель анонимный, установить не получалось. Мне хотелось думать, что это от него... Но оказывается, его уже нет в живых.

Удивительное дело, сколько раз я желала ему смерти, а получив желаемое, жалею! За каждое плохое слово, за каждую плохую мысль мне теперь стыдно! Вот так, в один миг человека, которого ты всю сознательную жизнь ненавидела, реабилитировали. Какой же слепой я была! Любовь, с которой он смотрел на нас нельзя подделать! Нежность, что дарил матери –

нельзя сыграть! Даже представить сложно, как он страдал! Ведь отказаться от всех, кого ты любишь, просто встать и уйти, не так просто, как кажется. А потом жить, зная, что там, за сотни тысяч километров от тебя обливаются кровью сердца, что по-прежнему верят в твое возвращение. Ведь я верила... До последнего дня, даже еще пару минут назад в моем сердце жила вера...

– Сцакха!!! – выругалась я, ударив по столу. На нас обернулись потревоженные посетители и я, сжав кулаки, спрятала руки под скатерть. – Простите. Простите, поверить не могу, какой мразью оказался мой дед! Как можно быть таким бессердечным сволочугой? Я всю жизнь отца винила! Всю жизнь ему смерти желала! Представляла, как плюю ему в лицо при случайной встрече!

– Теперь вы понимаете, почему я решил вас найти? Антуан Георг был мне добрым другом.

– Но вы сказали, что плохо с ним поступили.

– По бизнесу, – кивнул фет Сайонелл и отвел глаза. – Вышло очень некрасиво, и я стыжусь произошедшего. За один день мы стали с ним совсем чужими и только его смерть заставила меня переосмыслить собственную жизнь, понять, каким я был идиотом, что ставил... бизнес выше нашей дружбы. Увы, теперь этого не изменить.

– Мне жаль, – я накрыла сжатую в кулак руку Оуэна, лежавшую на столе. – Нас объединяет одно горе, одна печаль, пусть в разной степени, но все же. Предлагаю почтить память моего отца.

Из глаз скатились крупные слезы, мир подернулся соленой пеленой. Постаралась натянуть на лицо улыбку и вытереться салфеткой, но ничего не получалось. К горлу подкатил ком и истерика уже размахивала руками на задворках сознания.

– Простите. Я могу... могу оставить вас на минуту? Мне нужно привести себя в порядок.

– Уверен, со мной ничего за это время не случится. А, если и случится, то вот, – он показал, что знает, как нажимать на красную кнопку, которая немедленно передает сигнал на мой планшет. Благодарно кивнула и устремилась в уборную.

Заперев кабинку, я прислонилась к стене и, сотрясаясь в рыданиях, скатилась по ней на холодный кафель с трещиной поперек плитки. Надо же, такой дорогой ресторан, а трещина... Прямо как в моей жизни. Чистокровный великородный, но и его жизнь не пощадила. Деньги, власть, сила оказались неспособными защитить от других чистокровных и великородных. Почему же все в жизни так? Почему нет справедливости? Даже сильные этого мира не могут позволить себе самое главное – любовь.

Минута превратилась в две, в три, в пять, а меня по-прежнему лихорадило от боли и обиды. Вспомнив, что я на работе, а за столиком ждет пациент и просто хороший мужчина, который ни в чем не виноват, я исключительно усилием воли заставила себя остановиться. Долго поливала лицо ледяной водой, благо ограничения по ней здесь нет, поправила легкий макияж и вернулась за столик, запрещая себе думать об отце. Время для скорби будет. Теперь у меня его полно.

Как раз вовремя, потому что принесли заказ, который сделал мой спутник.

– Вы в порядке?

Фет Сайонелл, принесший дурные вести, волновался не меньше, а ему нельзя было. Болезнь Торкинсона распространяется по нервной системе и, чем больше человек волнуется, тем стремительней она разносится по организму.

– Оуэн, – губы подрагивали, но я почти обрела эмоциональную стабильность, пообещав себе выплакаться вечером и обязательно рассказать ребятам, что отец нас вовсе не бросал. Мы вместе поплачем. Сейчас меня ждет работа. – Давайте договоримся, что вы не будете переживать по этому поводу. Вы мой благодетель. Я жила, словно в тумане и ненавидела отца. Неправедливо. Теперь я знаю правду и мне полегчает. Не сейчас, позже, но обязательно полегчает.

– И что изменилось от этой правды?

– Все, – уверенно кивнула. – Изменилось все. Раньше я жила и думала, что не нужна никому. Что я не только пустышка без искры, но настолько ничтожна, что даже собственный отец от меня отказался. Сейчас я понимаю, как ошибалась, – часто закивала, осознавая, что Таххир, по сути, был меня не достоин! Он сидел на моей шее четыре года, а я оставалась с ним исключительно из страха, что и он меня бросит, а кроме него я никому больше не приглянусь. Останусь одна. Страх быть отвергнутой жил во мне все это время. А теперь я его переборю. Не сразу, но справлюсь и моя жизнь обязательно изменится к лучшему!

– Он любил вас больше всего в жизни, Александрина! Помните об этом.

Кивнула и улыбнулась сквозь слезы. Но на этот раз это были очистительные слезы, слезы радости.

– Итак, что у нас здесь?

Потерла руки и, не без ужаса, взглянула на обилие металлолома, окружающего скромную тарелку с зелено-серым супом-пюре. В центре кашцеобразной лужи лежала креветка, украшенная листиком петрушки. Заметив мою озадаченность, Оуэн поспешил на помощь:

– Все просто. Когда подают первое блюдо, следует брать крайнюю ложку. В дальнейшем приборы расположены в порядке очередности подачи блюд. От внешнего края к внутреннему. Десертные приборы – сверху.

Я глянула на четыре пары ножей, ложек и вилок и разве что не присвистнула. Неужели все это действительно необходимо?

– А бокалы?

Их возле моей тарелки стояло целых четыре штуки.

– В компании мужчины этого запоминать не придется. Чтобы не попасть в неловкое положение, достаточно попросить кавалера налить вам белого или красного вина, воды или шампанского. Дальше он сделает все сам.

В доказательство фет Сайонелл элегантно поднял бутылку и наполнил мой бокал, следовало полагать, для красного вина.

– Вам предстоит ужин? Вы волнуетесь.

– Не то слово! Меня пригласили в Рэдкайл! – усмехнулась и закатила глаза. Как-то Рэдкайл и я в одном предложении даже не звучали.

– Достойное место, – с необычайной для своего возраста и состояния величием обозначил собеседник. – У вас есть подходящий наряд?

– Нет, но я попрошу у Лоби, она частенько со своим мужем выбирается в неплохие местечки. Он искристый при хорошей должности.

Мужчина снисходительно улыбнулся и приступил к еде. Ели мы некоторое время молча, просто потому, что еда была восхитительно вкусной! Не сублимированной, а настоящей! Суп проглотила в пять глотков, есть-то там было нечего. А вот горячее смаковала целых пять минут! Я не ела красную рыбу, пожалуй, со смерти отца! Учтывая, что это редчайший в мире деликатес, который выращивается только в седьмом дистрикте и поставляется специальными рейсами в девятый и ряд других, мне даже не хотелось знать, сколько это удовольствие стоит. Фет оставит в этом, без сомнений, шикарном месте все свое состояние! Он, конечно, может себе это позволить, но мне как-то жалко чужих денег. Это ведь, по сути-то, один раз в туалет сходить!

Тем не менее, рыба с красной икрой и жареным в масле картофелем пропала с моей тарелки стремительно, и стыдно мне за это не было. Я довольно вытерла губы салфеткой и откинулась на спинку мягкого кресла, поглаживая сытый живот, заметно выступающий под легкой тканью сарафана, ведь кофточку пришлось расстегнуть, чтобы не давили пуговицы.

– Вы довольны?

Первое правило съема – накорми женщину. Я усмехнулась, вспомнив, как нашла у Тахира книгу «Как покорить женщину». Первая мысль, которая у меня тогда возникла – как мило, что он мечтает меня покорить. О том, что покорить или, я бы сказала, засадить, совсем другой мечтает, мысли даже не появлялось. Но дело в другом. Основой основ там значилась необходимость хорошенько накормить женщину, поскольку после этого шансы, что она даст, скажем так, себя покорить разок, а может и другой, растут в геометрической прогрессии. И действительно, сытый голодному не фет. Неприятные воспоминания о родителях отца и их подлости отступили на задний план и в васильковые глаза Оуэна я смотрела с прежним дружелюбием.

– Кажется, с десертом придется повременить, – заметно смутившись, произнес мой спутник.

– Оуэн, вам нечего стесняться! Это все же моя работа! Хотите посетить уборную на кресле или прогуляемся? Уверена, вы вполне осилите прогулку, а Лоби мы об этом не расскажем.

– Знал, что не ошибся в вас! – мужчина подмигнул и улыбнулся.

Понимаю, что был риск, пусть совсем небольшой, но все же, что во время этой прогулки фет Сайонелл повредит себе что-нибудь, но разве жизнь не для того, чтобы рисковать и брать от нее максимум? Он может последние десять дней просидеть в этом кресле, а может уйти из жизни по дороге в уборную. Мы не знаем, где и когда застанет нас старуха с косой, но сидеть и ждать ее прихода спокойно и со смирением? Нет! Я этого ему не позволю! Последние дни моего пациента будут полны пусть маленьких, но побед и радостей! Тем более, что ему за каких-то полчаса удалось перевернуть мой мир с ног на голову и вернуть уверенность в себе! Папа меня любил! Папа меня не бросал! Маленькая Ланни-солнышко была правдой... Искренней, настоящей, до самого сердца.

Я достала из кресла необходимые вещи, и мы медленно дошли до уборной. Несмотря на болезнь и немощь, фет Сайонелл шел довольно уверенно, с гордо выпрямленной спиной, идеальной осанкой, опираясь на меня совсем чуть-чуть. Истинный великородный!

– Кто бы мог подумать, – улыбнулся фет Сайонелл, глядя на меня сверху вниз совершенно без смущения. – Я снова в кабинке туалета, без штанов и с хорошенькой девушкой!

– Фет Сайонелл, да вы шалун! – не удержалась и рассмеялась.

– То, что она меняет мне подгузник ровным счетом ничего не значит, – с деловым видом добавил он. – Эту часть истории при случае я упусти, так и знайте!

– Упускайте на здоровье. Только сейчас, пожалуйста, вторая позиция, плие, – командным тоном.

– Увлекаетесь балетом?

Мои брови резко поползли вверх, когда мужчина раздвинул ноги и присел. Я по привычке назвала обычные движения танцевальными терминами, забыв, что передо мной всего лишь пациент. Но, видимо, тайн у этого мужчины больше, чем волос в гриве у аркха.

– Не отвечайте, это заметно. Прическа, осанка, оговорки...

– Это моя страсть, – созналась негромко, ловко закрепляя подгузник и очередной раз сетуя на несправедливость судьбы. Она забирает таких вот добрых, отзывчивых, душевных людей, оставляя взамен злых, черствых, скверных. Зачем? Неужели там, куда они попадают, такие люди нужней? Добра и теплоты не хватает здесь, в этом мире. Там за чертой уже будет все равно.

Застегивая мужчине брюки, хоть в том и не было необходимости, он мог справиться сам, я уже откровенно плакала. Мне не хотелось с ним расставаться. От Оуэна исходило какое-то необыкновенное тепло. Возможно особенность его искры. Она очень сильная, невероятно сильная, даже я ощущала это.

– Эй, – строго произнес он, поднимая мою голову за подбородок сухими пальцами и заставляя подняться с колен. – Перестаньте!

– Простите, – размазала слезы по щекам. Что это со мной? Я часто приходила убирать пустые палаты после пациентов, которых не стало. С некоторыми хорошо общалась при жизни. Но ни разу ни один не тронул мою душу. Ни разу! – Не знаю, что со мной!

– Эмоциональный срыв. Так и знал, что не следовало вам рассказывать.

– Нет-нет! Я счастлива, что вы рассказали!

– Так, – поправив брюки, по-деловому начал он. – Нам нужно прокатиться. Идем.

– Куда?

– Хочу потратить кучу денег, а вы сделаете так, чтобы траты были не напрасными. Мы едем в Ликвид Сторидж.

Как-то необычно обсуждать бизнес в кабинке мужского туалета. Стоп. Я в принципе никогда не обсуждала бизнес, потому что разбиралась в нем так же, как аркх разбирается в тригонометрии.

– В крупнейшую брокерскую фирму? – вот уж действительно, он знает как предотвратить начинающуюся истерику. У меня глаза стали размером с юбилейную монету номиналом десять анников. На половину ладони была. Редкая. Коллекционная.

– Именно!

Переубеждать? Зачем! Я ведь дала себе установку сделать жизнь фета Сайонелла лучше, так следует выполнять! Мы вернулись за стол, выпили чай с десертом и во время чаепития уладили все дела с Лоби, которая категорически возражала против любых поездок. Впрочем, фет Сайонелл мог жути нагнать, как оказывалось, одним взглядом. Пообещал не только отказаться от услуг больницы, но и других богатых клиентов отговорить, да так ославить, что ближайшие лет триста это место будут за сотни километров обходить.

– Фет Сайонелл, – дрогнувшим голосом произнесла Лоби. – Вы хотя бы понимаете, в какое положение меня ставите? Я несу за вашу безопасность личную ответственность! Если во время поездки с вами что-то случится...

– Давайте сюда документы. Я подпишу все, что вы захотите, если вам от этого будет спокойней.

– Пожалуйста, согласитесь на сопровождение нашего квалифицированного специалиста и охраны. Тогда я смогу быть спокойна.

– Исключено, – отрезал он, а подруга поджала губы. Стоя за спиной фета Сайонелла, я лишь растерянно пожала плечами в ответ на ее растерянный взгляд.

– Чем вам помешает специалист? – попробовала уговорить своего строптивного пациента. – И охрана?

– Гиперопекой! Я болен, а не скатился в младенчество, – на мониторе появился очередной документ, затем второй и третий. Только после того, как Лоби получила подписи от Оуэна и от меня, посмотрела в мою сторону строго-строго, так, как умела, когда была настроена решительно. Аж пробрало.

– Значит так. Теперь за фета Сайонелла ответственность несешь ты. Если с его головы хоть волос упадет – с работы вылетишь. Понятно?

– Понятно.

– Я серьезно, Ланни, – она свела брови на переносице, взывая к моей совести и моему благоразумию. Очевидно же, что эта устрашающая отповедь прозвучала, чтобы меня в чувство привести.

– Я поняла, Лоби. Буду беречь его, как саму себя.

Она ужаснулась и я поспешила поправиться:

– Буду беречь, как Альби и Тана.

– Смотри у меня. Не задерживайтесь, фет Сайонелл, на семь часов у вас назначен осмотр, инъекции и процедуры.

– Буду вовремя, мама! – съязвил он и, показав подруге язык, отключил планшет.

– Нет, ну вы точно шалун! – рассмеялась я и, не удержавшись, обняла мужчину со спины.

Волар подали через несколько минут. Заднее кресло компактно сложилось, позволяя телепатоколяске Оуэна занять всю заднюю часть транспортного средства.

Водитель неспешно шел по средним коридорам живописным маршрутом. Башня Ликвид Сторидж располагалась неподалеку. Все важнейшие стратегические здания находятся в первом – центральном – районе, но по дороге мы успели в полной мере полюбоваться Джози с ее серебристой листвой, облететь Аклуа Плейз по спирали до самого верха, где водитель показал нам хрустальные шары – место, где Хартманы занимаются поддержкой телепатического купола. Снаружи шары совершенно не охраняются и вокруг них даже проходит туристическая трасса. Не родился еще тот умелец, который смог бы пробить телепатический барьер Аклуа Плейз, не говоря уже о толстенной непробиваемом стекле последней модификации с тонкой гарцанной сеткой. В бункере и в том опаснее.

Ликвид Сторидж гудела, как шпиль Аклуа Плейз. Только если тот от мощнейших телепатических вибраций, то эта от гула людских голосов, топота ног и постоянно разъезжающихся дверей.

Фет Сайонелл рвался войти в здание с гордо поднятой головой, но мне удалось воззвать к его благоразумию и заставить въехать. Но тоже с гордо поднятой головой.

Двери медленно поползли в стороны, впуская нас в обитель цифр, графиков и людских криков. Я подняла голову и едва не задохнулась от восторга. Внутри башня оказалась полой. Офисы прятались за прозрачными перегородками вдоль окон, а центр башни пустовал и пустота уходила на добрую сотню этажей вверх. Там, высоко-высоко виднелся сквозь стекло маленький кусочек сиренево-голубого неба, озарявший кольцевой ресепшен мягким столбом света. На всю высоту вверх тянулись панели с графиками, цифрами, индикаторами, которые сменялись лицами дикторов, бегущими строчками новостей и тому подобной белибердой. Плохо мне стало уже через десять секунд, а глаза фета Сайонелла нездорово блеснули. Либо напротив – он попал в свою стихию. С подобным выражением лица я смотрю по телепатовизору балет. Примерно так блестели мои глаза, когда я танцевала с фетом Ронхарским. Оуэн однозначно вел бизнес именно в этой сфере.

Мы подошли к белоснежному столу в форме огромного замкнутого кольца, внутри которого суетились секретарши и младшие менеджеры. Все как одна высокие стройные красавицы в дорожных обтягивающих костюмах и красных шейных платках.

– Добрый день, чем могу вам помочь? – оторвавшись от созерцания прозрачной панели планшета, девушка подарила нам невероятно обаятельную улыбку, демонстрируя качественную работу стоматолога.

Фет Сайонелл с моей помощью поднялся и произнес:

– Я планирую сделать вложение на очень крупную сумму.

– Конечно, вашу руку, пожалуйста, – казалось, что улыбка к ее лицу прилипла.

Оуэн приложил ладонь к сенсорной панели. Менеджер продолжала улыбаться, пока шел поиск информации, а когда получила результат, улыбка очень и очень медленно растаяла. Блондинка растерянно смотрела то на нового клиента, то на монитор.

– Какие-то проблемы?

– Эм... Нет-нет! Фет Сайонелл, я... – женщина стала заикаться.

– Мы подождем, – понимающе улыбнулся мой спутник. К такой реакции он, похоже, привык.

– Пройдите в зону ожидания, пожалуйста. Могу я предложить вам чай, кофе, другие напитки?

– Ничего не нужно.

Женщина несколько раз нервно нажала сиреневую кнопку на сенсорной панели и дрожащей рукой указала на вип-зону с кожаными диванчиками, свежей прессой и автоматом для кофе. В отличие от фета Сайонелла, я отказываться не стала и без зазрения совести налила себе ароматный напиток с густой пеной, корицей и шоколадным сиропом.

– Зря вы, невероятно вкусно! – я слизнула с верхней губы сладкую пенку, смущаясь под искрящимся взглядом Оуэна. – Что это она так вас испугалась?

– Получила обо мне полную информацию.

– И вы такой страшный?

– Скажем так, в инвестиционном бизнесе я довольно известный игрок, и сегодня мы вложим девятьсот семьдесят миллионов анников.

Я подавилась. Основательно так подавилась. Что-то внутри встало поперек горла и, вытаращив огромные глаза, я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Вспомнила про прием Геймлиха и самопомощь, перекинулась через спинку кресла и насилу откашлялась. Девятьсот семьдесят миллионов анников??? Да он что, шутит? Это же полугодовой бюджет небольшого дистрикта. Например, третьего или восьмого, да даже четвертого...

Когда я пришла в себя, мужчина осторожно погладил меня по коленке и улыбнулся:

– Не стоит так волноваться, Александрин. Это обычное вложение.

– Обычное вложение? Да на эти деньги можно купить весь тринадцатый район и еще останется на безбедную жизнь для трех последующих поколений! Вы... вы уверены, что стоит это делать? А если завтра акции рухнут? Вы же компанию целиком выкупите, она хоть стоит столько?

– Не рухнут, – его непоколебимая уверенность удивила.

– Но что, если вы ошибаетесь? Вы же потеряете все!

На эти деньги мы с Альби и Таном могли бы безбедно прожить пятнадцать, а то и шестнадцать жизней. Вот вообще безбедно. Катаясь на личных воларах и проживая не на среднем уровне, нет, а там – под самым куполом!

– Что именно? – когда он так вскидывал брови и улыбался, его лицо делалось необычайно открытым, а удивительные васильковые глаза не позволяли от них оторваться. Действительно, что может потерять человек, который скоро умрет... – Я уже все потерял.

– Лучше бы вы раздали эти деньги людям. Больше было бы пользы.

– Простите, что не оправдал ваших ожиданий. Увы, я мизантроп, Александрин. Не помогаю, если не вижу в человеке искры. Не магической, нет. Той, что душой зовется. В вас, – он ткнул в меня худым корявым пальцем. – В вас душа есть. Только человек, имеющий душу, может убирать говно за богачами, ни разу ни о чем их не попросив. Вы могли попросить меня отдать эти деньги вам.

Могла. И даже мыслишка такая пробежала. Но, в отличие от Марты, наглости мне еще необходимо понабраться.

– Я уверена, что нельзя иметь такие деньги и остаться человеком. Простите, ничего личного. А насчет говна – это всего лишь работа, – смутилась я. – Ничем не лучше, и не хуже любой другой. Я просто стараюсь быть полезной по мере возможностей, и в силу своей... пустоты.

– О нет, вы не пустая! – он уверенно мотнул головой. – В свое время в вашей жизни произойдут удивительные изменения! Жаль, я уже не стану их свидетелем!

– Не говорите так! – по телу вновь прошла горячая волна жалости, а глаза защипало.

– Александрин, условимся так. Смерть рано или поздно настигнет всех нас. Это не конец. Это лишь новое начало!

– Для кого? – сбивчиво произнесла я, уже вовсю глотая слезы. Да что ж со мной такое?

– Для всех. Ну же. Перестаньте!

Он вынул из кармана платок и протянул мне.

- Лучше помогите определиться, куда мы вложимся.
- Мы? – я вытерла внезапную сырость и перевела взгляд в сторону графиков.
- Конечно мы. Без вашей помощи мне верно не определить. Итак?
- Да я ровным счетом ничего в этом не понимаю!

Посмотрела на многочисленные прозрачные панели, на которых то и дело вспыхивали графики, сменялись выпусками новостей, пояснениями, новыми цифрами, кривыми, косыми, параллельными и тому подобной фигней. Тряхнула головой и посмотрела на мужчину. Он держал меня за руку худыми сухими пальцами и уверенно рассматривал панели. Точнее не так. Он словно разговаривал с цифрами...

– Замечательно. Выбор сделан, – мужчина отпустил мою руку, чтобы указать пальцем в одну из панелей, почти в самом низу стены, слева. – Лисмен Экологик. Междистриктный холдинг по экологическим технологиям.

– Вы уверены? – с сомнением покосилась на графики, некстати напоминающие грустно свисающий... эм, в общем, когда Таххир не хотелось того, чего хотелось мне, это выглядело примерно так. – Похоже, дела у них не ахти.

– Именно сюда и вложимся! – мужчина с азартом потер руки и улыбнулся стремительно приближавшемуся мужчине в черном костюме тройке.

– Фет Сайонелл, фета Сайонелл, добрый день. Меня зовут фет Гловер, я помогу вам сделать выбор и оформить необходимые бумаги.

Поправлять не стали. Пусть считают меня дочерью, внучкой, женой, да хоть любовницей. С этим удивительным мужчиной я готова потерпеть любой статус!

– Мне передали, что вы хотите приобрести акции. Мы готовы сформировать для вас очень привлекательный инвестиционный портфель с бумагами разных...

– Лисмен Экологик, – перебил он склонившегося в прелюбодейной позе мужчину.

– Что, простите? – у того даже глаз дернулся.

– Я уже все решил. Вложу в Лисмен Экологик. И частично в Сайман.

– Эм. Хорошо, – устраиваясь в кресле рядом с Оуэном, менеджер достал планшет. – Какую сумму вы планируете вложить?

– Девятьсот семьдесят.

– Тысяч? – он вскинул брови.

– Миллионов, – сухо, без эмоций. Зато фет Гловер на эмоции не скупился. Он завис, словно сломанный телепатовизор. Вот замер прямо так, с открытым ртом и поднятыми бровями. Когда отмер, прохрипел:

– Вы... Позвольте...

Все. На большее не хватило. Он бросил на меня взгляд, в котором так и читался крик о помощи, мол, хоть вы вразумите этого ненормального! Я лишь пожала плечами, но попробовала:

– Может все же не стоит вкладывать все? – робко произнесла я.

– Если вы не готовы мне помочь, позвоните того, кто готов, – голос великородного.

Несмотря на старость и немощь, вид у фета Сайонелла грознее не придумаешь! Я бы такому прекословить не стала. Менеджер тут же понятиливо кивнул и пригласил нас последовать за собой в более удобное место. Я отказалась, заверила, что подожду в небольшом скверике на улице. Хотелось подышать воздухом. К тому же, я не разбиралась ни в электронных отчетах, ни в электронных договорах и цифры навевали на меня откровеннейшую скуку! Строго-настрога наказала фету Сайонеллу держать под рукой кнопку и, в случае какой неожиданности или просто необходимости моего присутствия нажать на нее.

Оформление документов заняло без малого сорок минут. Я сидела в маленьком, но уютном кафе во внутреннем дворике Ликвид Сторидж, под настоящим кустом цветущего жасмина. От него вкусно пахло сладостью, кажется, даже настоящей. Впрочем, здесь все пропи-

тано ароматом анников, думаю, местный штат садовников вполне способен позволить себе закупить семена и ростки настоящих карликовых деревьев. Вокруг кафешки их росло штук двадцать. Все ухоженные, в цвету. Невысокий кованный заборчик обнимали пышные клумбы с маками, флоксами и ромашками. Альби занимается земледелием, и я знаю о растениях исключительно благодаря ей. В девятом дистрикте с зеленью вообще туго, а соседи покупают семена по дешевке у моей сестры.

В университете преподавали, что раньше из собранного урожая выращивали новый. Сейчас это невозможно. Плоды бесплодны, а воткнутые в землю семена гниют и покрываются плесенью. Когда красный и желтый дракон поработили землю, захватили одну страну за другой, они немало постарались, чтобы изменить генный код всех фруктов и овощей, лишить их естественной репродукции. Раньше мир, в котором приходилось ежегодно закупать семена казался невероятным, сегодня это действительность. Хочешь вкусных ароматных фруктов и овощей – выложи крупную сумму анников, купи землю, которой днем с огнем не сыщешь, купи семена и, возможно у тебя что-то выйдет. При отсутствии необходимой искры выходит плоховато. К счастью, у нас есть Альби и разнообразие фруктов и овощей. Я уже не представляю жизнь без них. А многие питаются соевым мясом, картофельным хлебом и белковой массой с ароматизаторами. С молоком и того хуже. В девятом дистрикте всего три коровы, и тех еле удается прокормить. Еще бы, туша размером с трехэтажный дом поглощает умеренно корма!

За этими рассуждениями меня и застиг фет Сайонелл, которого проводил ко мне трясущийся, словно лист Джози менеджер.

– Готова? – улыбнулся мой пациент.

Я отставила пустой стаканчик из-под кофе и улыбнулась:

– К чему угодно.

– Отлично! Тогда нам нужен волар!

«Чем угодно» оказался магазин модной одежды. Да не просто какой-то там, а «Твердини». Самый-самый модный бренд. Самый дорогой. Самый изысканный. Здесь одеваются жена и дочь Кайла Хартмана, здесь одеваются все представители Конгресса, все звезды шоу-бизнеса, да вообще все, кто относится к элите. А еще здесь шьют на заказ. Не удивительно, что на меня в моем скромном синтетическом сарафанчике смотрели как на дохлогрызку, случайно забежавшую в Аклуа Плейз. Спасибо, хоть каблуком не пристукнули и не выкинули за хвост из окна.

– Феты, – громко объявил фет Сайонелл. – Нам нужно сделать из этой дамы прекрасную рысокоту для ужина в Рэдкайл.

Упомянутые окинули меня более дружелюбными взглядами, сразу распознав в голосе Оуэна стать великородного. Их лица преобразились, улыбки растянулись до ушей, они засуетились вокруг меня, как древние пчелы вокруг ульев. Пчел уже давно нет. Точнее, они остались только в первом – зеленом дистрикте, где нет высоток и все усыпано зеленью до самого горизонта. Оттуда нам поставляют лакомство, дороже даже гарцана – мед. Пробовать не доводилось, но поговаривают удивительнейший и полезный деликатес!

– Фет Сайонелл, – прошептала, склонившись к уху своего волшебного пациента. – Надеюсь, вы понимаете, у меня нет денег даже на пуговицу от самого дешевого наряда.

– Какое счастье, что у меня их достаточно, чтобы купить весь этот магазин, – подмигнул он.

– Но... зачем?

– Я уже говорил вам, зачем. Мне никогда не искупить вину перед вашим отцом. Я поклялся, что сделаю вашу жизнь лучше. Не мешайте умирающему старику радоваться! – шантажист притворно схватился за сердце, железным аргументом выбивая все мои возражения. Нашел, за какую ниточку дергать! – Лучше расскажите о своем спутнике. Вы влюблены?

– О нет, – отмахнулась, наблюдая за суетливой работой консультанток, которые бегали по бутику, подбирая для меня варианты. – Это будет деловой ужин. С фетом Ронхарским.

– Известным балетмейстером?

– Вы умеете удивлять! Да, с ним.

– Отличная партия, – одобрил Оуэн Голд.

– Нет-нет, я же говорю, это только...

– Фета, пожалуйста, пройдемте в примерочную.

Бросила умоляющий взгляд на Оуэна Голда, но тот показал жестом, чтобы шла, а сам отъехал к зоне ожидания и подозвал к себе одну из подтянутых блондинок с прилипшей улыбкой. Вот почему там, где большие деньги и богатые мужчины, там сразу блондинки? Вот ведь незадача, я тоже светловолосая...

Платья оказались шикарными. Нет, не так. У меня даже не было подходящих слов, чтобы назвать, какими они были. Начать хотя бы с материалов! Я никогда прежде не трогала натуральные! Разумеется, в моем мире они были доступны единицам. Хлопок, лен, шелк и прочие ткани, для производства которых ингредиенты требуется выращивать – непозволительная роскошь, учитывая, что кроме песка в нашем мире ничего не осталось. Землю создают те, в ком есть искра земледельцев, как в моей Альби. Сестра пока не научилась подобной трансформации, этот талант могут раскрыть лишь в университете. Чтобы вырастить тот же хлопок, нужны огромные территории. Не удивительно, что основная масса населения ходит в синтетических тканях, от которых волосы частенько электризуются и разлетаются в разные стороны. А еще можно получить неплохой заряд бодрости, если неудачно коснуться гарцана. Я уже молчу о том, что это вредно для здоровья.

В Тверддини все оказалось иначе. Теплые, мягкие ткани нардов обнимали мое тело, как вторая кожа, струились по нему, словно теплая вода. Мне предложили несколько платьев на выбор и каждое я брала так, словно оно могло обратиться в песок и утечь сквозь пальцы. Легкие, невесомые и невероятно дорогие, они притягивали взгляд и восхищали. Страшно было даже их держать, не то, что мерить. А, если я случайно порву? Поставлю зацепку, запачкаю? Как потом оправдываться перед Оуэном? Я ведь не выплачу компенсацию и за год!

На свою беду увидела ценник. Сто пятьдесят тысяч анников! Конечно, дешевле вина, что мы пили, но куда дороже всего моего гардероба вместе взятого раз в десять!

Так, Ланни, спокойно. Если мужчина может себе позволить спустить девятьсот семьдесят миллионов анников на откровенно дохлую компанию, которую спасет лишь чудо, то уж пара сотен тысяч за наряд его точно не разорят. Мне, конечно, принимать такие подарки крайне неудобно, но если это в память об отце... У меня останется вещь, которая всю жизнь будет напоминать и о нем, и о моем удивительном пациенте.

Очередное платье надевала осторожно, словно сапер, который деактивирует бомбу. Подняла взгляд и замерла. Никогда бы не подумала, что обычный кусок ткани... хорошо, необычный кусок ткани способен так преобразить человека! Легкая красная паутинка мягко струилась по телу, повторяя его изгибы. На плечах – тоненькие бретельки из блестящих камней, на груди небольшая провисающая складка, ниже все плотно облегает тело и ткань струится до пола. Все прекрасно, кроме двух «но»: огромного выреза на спине, окутанной паутинками ниточек со стразами и отороченного кружевом разреза от бедра до пола.

Некстати подумалось, что сказал бы Харви, увидев меня не в рваном сарафанчике и с перепачканным лицом, а в этом шикарном наряде и с идеальной прической?

Оуэн Голд удовлетворенно кивнул и по-мальчишечьи показал большой палец, когда я вышла из примерочной. Мужчину обхаживали со всех сторон. Он держал в руках бокал с шампанским, а на коленях расположил вазу с кусочками колотого шоколада, посыпанного кокосовой стружкой.

– Великолепно.

– Великолепно? – повторила я. – А как это называется?

Сделала шаг и присутствующие смогли лицезреть мою ногу до самого бедра.

– Действительно, не хватает туфель, – подмигнул мужчина.

– Я не про туфли, я про разрез!

Наверное, вид у меня в этот момент был жутко растерянный, потому фет Сайонелл пояснил:

– Дорогая, вы же собираетесь на свидание с постановщиком балета!

– Это не свидание, это деловой ужин, – поправила, хотя уже не была до конца уверена, что в таком месте проводят деловые ужины. Да и что такого делового можно со мной обсудить? Моду на пуанты? Можно ли прыгнуть гранд жете больше ста восьмидесяти градусов? Конечно можно! Длину пачки?

– А где постановщик, там и танцы!

– Сомневаюсь, что меня позовут танцевать.

– Послушайте старика. У меня в этом деле опыта куда больше, чем у вас. Вы мне доверяете?

Почему-то даже сомнения не возникло. Разве можно доверять человеку, которого знаешь пару часов? Наверное, у меня голова в заднице аркха, потому что ответила:

– Доверяю.

– Вот и отлично. Тогда идите и примерьте эти туфельки, – сияющая фета как-то ее там, на золотой табличке не разобрать, поднесла мне босоножки со множеством ремешков на высоком устойчивом каблук.

Примерила. Удобно и красиво. Фет Сайонелл одобрил, велел унести паковать. Я с облегчением вздохнула, готовая отправиться обратно в больницу, как услышала:

– Следующее.

– Следующее?

– Конечно. Вы же моя сиделка, – как ни в чем не бывало, произнес мужчина, – хочу, чтобы мне было не стыдно показаться с вами в самых разных местах. Рестораны, выставки, театры, речные прогулки, банки. Перед смертью у меня много дел, к тому же, я планирую хорошенько развлечься, и вы мне в этом поможете! – строгий, почти командный голос. Вот так запросто подарки превратились в почетную обязанность.

Следующие сорок минут обернулись пыткой. Очень приятной такой, но психологически напряженной пыткой. В результате я обзавелась коктейльными и вечерними платьями, ежедневными нарядами, тремя деловыми костюмами и еще два были заказаны с нуля. Фет Сайонелл сказал, что у порядочной феты обязательно должны быть костюмы, сшитые на заказ и через несколько дней я почувствую разницу. Сомневаюсь. Мне готовые-то костюмы казались небывалой роскошью, удивительно прекрасно подходящей под мои формы.

Обувь, шляпки, перчатки, шарфики... Менеджеры, смекнув, что фет не знает счета деньгам, закрыли магазин и начали раскручивать его по полной программе, о чем я не преминула сообщить своему пациенту.

– Александрин, неужели вы думаете, великородного так просто, как вы выражаетесь, раскрутить? Меня сложно убедить в чем-то, если я не согласен и вовсе невозможно заставить действовать против воли.

– Тогда я не понимаю, – глядя на груды шмоток, которую паковали сияющие феты, я вздохнула. – Вы искупили вину перед моим отцом платьем. Это-то куда?

– Мне не хватит жизни, чтобы искупить вину перед ним, – грустно протянул мужчина и его взгляд остановился на еще одном платье. Короткое, белое, в обтяжку, а от бедер в стороны расходится сетка, словно пачка, только короткая.

– Еще мы возьмем это.

Слова закончились. Белый – цвет смерти. Он хочет, чтобы в этом я пошла на ритуал развеивания праха... Словно в подтверждение моей догадки, фет деловым тоном произнес:

– Завтра мы посетим нотариуса и моего душеприказчика. Я хочу, чтобы мой прах развеяли вы.

– Неужели у вас нет родственников? Или близких людей, которые бы могли это сделать?

– Племянники, – отмахнулся так, словно они не родные люди, а надоедливые мухи. – Самый мой близкий человек – вы, Александрин. Потому что вы ниточка к моему прошлому. К тому, что было мне отчаянно дорого. Глядя на вас я вижу свои лучшие достижения и свои ужаснейшие ошибки. Не разочаровывайте меня отказом!

– Я бы не посмела, – кивнула, старательно сдвливая слезы. – Пойду переоденусь.

На мне все еще было одно из платьев. Обтягивающее бежевое, словно вторая кожа, только на пару тонов темнее. На груди квадратный вырез, в котором очень аккуратно смотрелась грудь, зажатая толстыми лямками.

– Ни в коем случае! То синтетическое безобразие вы больше не наденете. Я даже при взгляде на него чешусь.

Словно в подтверждение, он почесал руки и даже передернул плечами. Могу его понять. Когда умер отец, у матери не было денег на натуральную одежду и нам всем пришлось перейти на синтетику. Первое время кожа бунтовала, покрывалась сыпью и ужасными волдырями, мы чесались, мазались зеленкой – за тысячи лет не придумали ничего лучше верного средства, пришедшего еще из глубины веков – и снова чесались. Потом, с годами, кожа привыкла и на легкий зуд мы перестали обращать внимание. Зато как непривычно приятно вновь почувствовать на себе мягкость натуральной ткани, которую постоянно хочется гладить. Поймала себя на том, что поглаживаю подол, а со стороны выглядит, что задницу. Убрала руки и смутилась.

– Кофта. На улице холодно, нужна кофта.

Феты живо исправили недоразумение и на мои плечи лег укороченный жакет с единственной огромной пуговицей, украшенной какими-то камушками. Выглядела я необычно. Бежевые туфли на высоком каблуке, дорогое платье, элегантный жакет и новая сумка. Я смотрела на себя в зеркало и поверить не могла! Заправила за ухо выбившуюся из култышки бело-снежную прядь. Наверное, к такому внешнему виду мне придется прибрать волосы. А то как-то стыдно. Сейчас в парикмахерских все быстро: сунул голову в телепатическую капсулу, представил результат и получил. Ну, что получится, то и получил, потому что все зависит от силы парикмахера. Если у него нет биологической искры, результат на свой страх и риск, а если есть – оставишь нехилую сумму за сеанс.

– Этим займемся завтра, я несколько устал, – словно извиняясь, произнес фет Сайонелл. – Ты прекрасно выглядишь, Александрин.

Наконец-то он перешел на ты. Это как-то правильней, что ли, в нашей странной ситуации. Посмотрела сквозь зеркало в удивительные васильковые глаза и не удержала очередных слез. Затем повернулась и вовсе обняла Оуэна.

– Ну, хватит!

– Простите меня, но я поверить во все это не могу. Это как во «Взрослые тоже верят в сказки», только фея-крестная там женщина! Вы моя фея-крестная, фет Сайонелл.

– Увы, это не так, – поглаживая меня по спине, негромко произнес он.

– Все готово. На какой адрес отправлять?

– Тринадцатый квартал, четвертый квадрат, седьмой этаж, дом номер три.

Лица присутствующих заметно вытянулись, а у Оуэна даже верхняя губа дернулась. Отмерли феты не сразу, а когда отмерли-таки, попросили моего спутника подписать документы, оплатить покупку и вызвали для нас волар.

В больницу мы летели в каком-то странном напряжении.

– Давно вы живете в тринадцатом квартале? – негромко спросил фет Сайонелл.

Снова на вы...

– Со смерти мамы, – неожиданно потянуло на откровенность. – У меня не было возможности платить за квартиру в седьмом квартале. Я продала все, что у нас было, и купила домик. Небольшой, но в нем есть огород для Альби. А Тан смастерил мощный фильтр для воды и мы за нее не платим. Для питья и готовки он собирает росу и дождь, как-то очищает через свои невероятные штучки, а для мытья у нас система внутренней циркуляции. Он изумительный и очень перспективный маг-техник, у него сильная искра. Я надеюсь, мне удастся скопить денег и устроить ребят в университеты. Тогда им не придется больше побираться... У них будет настоящая жизнь! Хотя бы у них.

– Ради этого вы кладете на плаху свою молодость? И даже готовы убирать за старой падалью?

– Ну что вы так о них? Это обычные люди...

– Ой, бросьте. Я успел пообщаться с другими пациентами. Единственный нормальный человек из всех – мой сосед по палате. Удивительно приятный мужчина!

Я рассмеялась. Тот самый, что три недели молчит, глядит в потолок и улыбается. Болезнь Торкинсона. Он живет исключительно благодаря поддерживающей жизни капсуле, которую родственники не желают отключать. Они продолжают платить, но при этом за три недели так и не посетили фета Барского.

– Я знаю, что пятидесятый этаж называют элитной зоной отчуждения. Сюда богачи ложатся сами, чтобы не чувствовать себя брошенными, – он грустно улыбнулся. – Ты можешь окружить себя слугами и лучшими сиделками, но в холодном пустом доме из гарцана, стекла и дорогих скульптур чувствовать безмерное одиночество. А можешь лежать в больничной палате с трупом на соседней койке и не чувствовать одиночества вовсе. Жизнь удивительна!

– Мы с вами по-разному подходим к жизни. По мне она жестока.

– Вы поймете, со временем.

Писк планшета напомнил, что фету пора принимать нейровитамины. Я достала коробочку с капсулами и протянула одну из них Оуэну. Мужчина скривился, но я была непреклонна! Должна же я выполнять свои непосредственные обязанности! Конечно, даже сильнейшие нейровитамины – что мертвому припарка, но они хоть как-то замедляют процесс.

Некоторое время мы летели молча, думая каждый о своем, а затем вновь сработал планшет.

– Я отправил вам несколько книг, ознакомьтесь на досуге.

Открыла почту и замерла. Два письма от того, кого даже по имени называть не хочу. Говорят, раньше можно было связаться лишь с теми, кто давал тебе свои контакты. Сложно представить! Сегодня в ноосфере невозможно спрятаться. Если кто-то знает твое имя и внешний вид, то по телепатической связи может отправить сообщение и видео вызов, где бы ты ни находился. Есть, конечно, способы закрыться, но они доступны только великородным. Разумеется, все зависит от силы искры или телепатотарифа, но возможности колоссальные.

Фетрой Х. Хартман, 13:00 «Жду».

Фетрой Х. Хартман 13:02 «У тебя три минуты»

Три минуты? Да пошел ты, Харви, чтоб тебя тудить растудить! Быстренько перебила его номер на «Ползучее Великородие» и закрыла ветку сообщений.

– Не пришли?

– А? – повернулась к Оуэну и не сразу поняла, о чем он говорит.

– Книги.

– Да, сейчас посмотрю, – щелкнула на другую папку и увидела несколько прикрепленных файлов: «экономика», «начала анализа», «инвестиции», «свое дело». – Все получила, спасибо. Только зачем мне книги по бизнесу?

– Просто прочтите.

Ладно. Мне не сложно. К тому же, когда у меня появятся деньги, и я смогу выкупить кафе матери, которое сама же за бесценок и продала, чтобы хоть как-то прокормить себя и ребят, мне понадобятся знания. Именно из-за их отсутствия я и потеряла материнское наследие.

– Приятные сообщения?

Поймала себя на том, что пялилась на буквы, присланные Хартманом. Сам Великогад снизошел до писем какой-то пустышке? Точно где-то здесь пустынный мертвояд сдох!

Выключила планшет и поморщила нос.

– Это вряд ли. Просто Харви Хартман решил, что раз он правящий, то все в девятом дистрикте принадлежат ему. Видимо у него голова в заднице аркха.

Волар заметно качнулся, и мы недовольно покосились на пилота.

– Простите, – смутился он, крепче перехватив штурвал.

– Харви Хартман, – жестко отчеканил фет Сайонелл. – Не лучшая для вас компания, Александрин. Очень сильный и опасный человек. Что вас связывает?

– Случайная встреча после очень и очень долгого дня. В общем, ничего не связывает.

– Он вам докучает?

Волар снова заметно дернуло.

– Если вы не способны удерживать волар, лучше передайте управление, – гарцанный голос Оуэна Голда вмиг отрезвил разнервничавшегося пилота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.